

054

Театр искусство.

XIII годъ изданія ==
Воскресенье, 22 Ноября

№ 47

1909

Послѣднія изданія „Театра и Искусства“.

- Пути любви**, др. въ 5 д. О. Дымова, (м. 5, ж. 4) п. 2 р., дек. 4 р., роли 3 р.
- Живые-мертвые, (Старый обрядъ)** др. въ 4 д. А. Вудяшева (Реперт. Спб. Малаго т. и Москов. Импер. Малаго т.) (м. 7, ж. 8) п. 2 р., роли 2 р. 50 к.
- М-ше Давидъ**, ком. въ 4 д. А. Оедорова. (Реперт. Спб. Малаго т.), п. 2 р., ценз. 4 р., роли 2 р. 50 к.
- Другъ**, др. въ 4 д. А. Оедорова (реперт. т. Невлобина), п. 2 р., роли 2 р. 50 к.
- Во имя ребенка, (Судъ Соломона)**, п. въ 3 д. Врие, п. 2 р.
- Анатема**, Леонида Андреева, п. 2 р. Ценз. 4 р., роли 3 р.
- Цезарь и Клеопатра**, В. Шоу, пер. Э. Бескина и Лебедева. (Реперт. Моск. Мал. т.) п. 2 р. Роли 3 р.
- Анфиса**, Леонида Андреева п. 2 р., цензур. 4 р., Роли 2 р. 50 к.
- Чужое счастье**, п. въ 4 д. И. Н. Потапенко п. 2 р., роли 2 р. 50 к. (Ближайшая новинка Спб. Малаго т.). Пр. В. № 230.
- Скандалъ**, въ 4 д. Батайла, перев. М. Потапенко, п. 2 р.
- Вѣчная лопь**, эпизодъ въ 3 дѣйств. Н. Острожского (Репертуръ театра Корша) п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Прав. В. № 230.
- Хозяева жизни**, п. въ 5 д. Г. Яшинского. (Реперт. Импер. Алекс. т.), п. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 230.
- Цѣною слезъ. (комедія ошибокъ)** въ 3 д. Ю. Жулавекаго (автора „Эросъ и Пенхей“) пер. съ польскаго А. Френкеля, п. 2 р.
- Милые люди**, к. въ 4 д. В. А. Тихонова. (м. 12, ж. 7). (Реперт. Спб. Малаго т.) п. 2 р., роли 2 р. Пр. В. № 215 с. г.
- Обыватели**, ком. въ 4 д. В. В. Рышкова (Реперт. Императ. Алекс. т.) (м. 6, ж. 6) п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 215 с. г.
- Нечистая сила**, др. въ 4 д. А. Бахметьева п. 2 р. (Ближ. новинка Спб. Малаго театра). (м. 7, ж. 4). Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 204 с. г.
- Гордость города**, ком. въ 5 д. Г. Вида, пер. съ нѣмц. (Реперт. Корша), п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 204 с. г.
- Освобожденные рабы**, ком. въ 3 д. Кадельбурга и Влюментала, пер. Федоровича (репер. Корша), п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 168 с. г.
- Трагедія таланта, (Вѣчные странники)**; п. въ 4 д. А. Кайдарова (м. 16, ж. 8) п. 2 р. Пр. В. № 204 с. г.
- Крупная игра**, др. въ 3 д. Дидриха, пер. О. Норвежскаго (м. 5, ж. 2) (Реперт. Спб. Малаго театра), п. 2 р., Пр. В. № 124 с. г.
- Мелкій бѣсъ**, п. въ 5 д. О. Солмогуба (реперт. Спб. Драматическаго и т. Невлобина), п. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 215 с. г.
- Звѣзда нравственности**, ком. въ 4 д. В. В. Протопопова, п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. (Реперт. Спб. Малаго театра.) Пр. В. № 215 с. г.
- Бѣлая кость**, ком. въ 3 д. Шеломы Аша, (м. 8, ж. 7) п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. „Прав. Вѣсти“, № 87 с. г.
- Орель**, ком. въ 4 д. Ф. А. Червинскаго (м. 7, ж. 4) (Реперт. Спб. Малаго т.), п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 168 с. г.
- История изъ трехъ**, (Оселя Бурриана), ком. въ 3 д., пер. Ярона и Пальмскаго, п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Прав. Вѣсти. № 159 с. г.
- Золотая свобода**, ком. въ 3 д., пер. Ярона и Пальмскаго, п. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 159 с. г.
- Шелковичные черви**, ком. въ 4 д. кн. А. Барятинскаго п. 2 руб., роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 148 с. г.

Т-ВО БРОКАРЪ и К^о

БОРНО-МЕНТОЛЕНОВОЕ МЫЛО—лучшее гигиено-туалетное мыло: предохраняет кожу от преждевременного увяданія и образованія морщинъ, уничтожаетъ сыпи и прыщи.

БОРНО-МЕНТОЛЕНОВЫЙ ЗУБ. ПОРОШЕКЪ—предохраняетъ зубы отъ порчи, задерживаетъ каріозный процессъ въ испорченныхъ зубахъ, дезинфицируетъ полость рта, обладаетъ пріятнымъ, освежающимъ вкусомъ.

ТОННОФОРМЪ-МЕНТОЛЕНОВАЯ ПУДРА—лучшее средство при общей чрезмѣрной потливости, при потѣни ногъ и въ складкахъ кожи, при острыхъ и хроническихъ сыпяхъ (экземахъ), лучшая дѣтская присыпка.

БОРНО-МЕНТОЛЕНОВОЕ МЫЛО ДЛЯ БРИТЬЯ—уничтожаетъ сыпи на шеѣ, предохраняетъ отъ зараженія при порѣзахъ.

Всѣ препараты составлены по рецептамъ и указаніямъ доктора медицины
М. П. Боголюбова.

Прейсъ-курантъ высылается бесплатно. С.-Петербургъ. Невскій, 30.

ЗИМНИЙ „БУФФЪ“.

Адмиралтейская наб., 4. * * * Телефонъ № 19-58.

Сезонъ 1909—1910 гг.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфав. порядкѣ).

Женскій персоналъ: М. И. Антонова, Л. Е. Ветлуцкая, Е. В. Зордэекъ-Пашковская, А. Д. Каренина, В. П. Логачъ, Е. П. Макакова, Н. В. Нагашина, В. И. Понтиковская, М. П. Рамазова, О. К. Рейская, С. Д. Светлова, Н. И. Тамара, В. П. Тарская, А. В. Федорова. Мужской персоналъ: А. З. Бугаевскій, М. С. Давыдовъ, А. М. Демитревъ, И. В. Зяглицевъ, Н. И. Крамской, М. Д. Кюдинъ, И. И. Коржевскій, А. М. Леоновъ, В. М. Майскій, Н. И. Мартыненко, Л. Г. Мираевъ, А. С. Половскій, Н. Г. Радловъ, В. Я. Рядомскій, И. Д. Рутковский, Н. Г. Сиверскій, М. М. Шуваловъ.

Главный режиссеръ **А. С. Половскій.** Главный капельмейстеръ **В. И. Шлякоченко.** Режиссеръ **В. М. Пивоваровъ.** Валетмейстеръ **Ф. О. Желчинскій.** Капельмейстеръ **Л. П. Шаловъ.** Уполном. дирекція **Л. Л. Пальмбергъ.**

„Невскій фарсъ“ и „Московский театр Сабурова“ см. 846 стр.

НОВЫЙ ЗАЛЪ Театрального КЛУБА.

Сезонъ 1909—1910 г.

Литейный пр., 42.

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“

Э. В. Холмской.

„ВАМПУКА“

и др. пьесы.

Цѣны мѣстъ отъ 1 р. 20 к. до 4 р. 20 к. Билеты продаются въ кассѣ Клуба отъ 12 ч. дня.

Начало въ 8^{3/4} час.

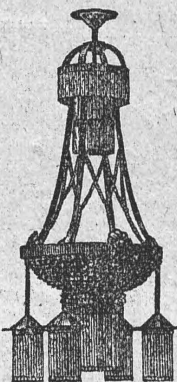
Режиссеръ баронъ **Р. УНГЕРНЪ.**

Въ магазинѣ Русскаго Общества ШУККЕРТЪ и К^о.

Екатерининскій каналъ, 25,
противъ Государств. Банка

РЕКОМЕНДУЕТСЯ БОГАТЫЙ ВЫБОРЪ

изящныхъ люстръ, фонарей, бракетовъ, столовыхъ лампъ для электрическаго освѣщенія, электрическихъ нагревательныхъ приборовъ, комнатныхъ вентиляторовъ и всѣхъ электрическихъ принадлежностей.

РОЯЛИ

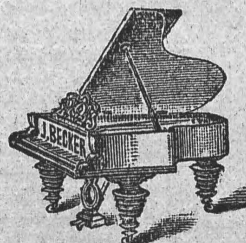

ПИАНИНО

Я. БЕККЕРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 35.

КАТАЛОГИ: № 15 ПО ВОСТРЕБОВАНІЮ.

Театры и сады Спб. Городскаго Попечительства о народной трезвости.

ТЕАТРЪ НАРОДНАГО
ДОМА

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Воскресенье 22-го Ноября: въ 1 ч. „ЭЛЬГА“; въ 5 ч. „ЖЕРТВЫ ДУШИ“; въ 8 ч. „РУСАЛКА“.—23-го: въ 1-й разъ „МАКБАВЕН“.—24-го: гастр. Долиной, Делормъ и Кочановскаго „ФАУСТЪ“.—25-го въ 100-й разъ: „ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ“.—26-го, прощальн. гастр. Долиной: „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“.—27-го: „РАЗРЫВЪ ТРАВА“.—28-го: „ГАМЛЕТЪ“.

Василеостровскій театръ.

Воскресенье, 22-го: „ГУДУШКА“.—24-го: „ЗОЛОТО“.—26-го: „АННА КАРЕНИНА“.

Общедоступныя развлечения (бывшій Стекланный заводъ).

Воскресенье, 22-го: „ГОРЬ ОТЪ ЖМА“.

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ!

Первое на Югѣ Россіи Художественно-декоративное ателье **М. Б. Басовскаго.** Одесса. Ринельевская, 68.

Контора: Греческая, 7.

Изготавливаетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ: декорацию, обстановку, бутафорію, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову театральной техники.

Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій. При требованіи смѣты, просимъ высылать подробный размѣръ сцены.

ВЫРЪЗАЙТЕ НА ПАМЯТЬ — ПРИГОДИТСЯ!

Открыта подписка на 1910 годъ на „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

52 №№ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала (около 1000 иллюстрацій). **12** ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ „Библиотеки Театра и Искусства“: около **20** новыхъ репертуарныхъ пьесъ, беллетристика, научно-популярныя статьи, отдѣлъ „Эстрада“—сборникъ стихотвореній, разсказовъ, монологовъ и т. д., пригодныхъ для чтенія съ эстрады.

Въ книжкахъ „Библиотеки“ будетъ напечатано нѣсколько капитальныхъ сочиненій по теоріи и практикѣ театра. Изъ новыхъ пьесъ имѣются въ распоряженіи редакціи произведенія **И. Н. Потапенко, Виктора Рышкова, І. І. Колышко, А. Н. Будищева, А. Ѳедорова** и др. Отдѣлъ „Эстрады“ будетъ пополняться, по преимуществу, новымъ матеріаломъ.

Подписная цѣна на годъ 7 р.

Главная контора—СПБ., Вознесенскій 4. Тел. 16-69. Для телеграммъ: Петербургъ, Театръ Искусство.

Допускается разсрочка **3 р.** при подпискѣ, **2 р.**—къ 1 апрѣля и **2 р.** къ 1 июня. За границу **10 р.**

Отдѣльные №№ по 20 коп.—Объявленія 40 к. строка петица (въ 1/4 стран.) позади текста, 70 к.—передъ текстомъ.

На полгода **4 р.** (съ 1 января по 1-е июля). За границу **6 р.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА (Залъ Дворянскаго Собранія).

Въ Среду, 25 Ноября, въ 8½ часовъ вечера, состоится

ЧЕТВЕРТЫЙ СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

(посвященный произведеніямъ Бетховена).

При участіи симфоническаго оркестра Спб. Отдѣленія И. Р. М. О. подъ управленіемъ **ОСКАРА ФРИДА** и солистовъ: **Э. Донаньи** (фортепіано), **А. В. Неждановой, Е. Н. Збруевой, Л. В. Собиннова, В. И. Касторскаго** и хора **А. А. Архангельскаго**.

Программа: Увертюра „Леонора“ № 3; Концертъ „Es dur“ для фортепіано съ окрестромъ, симфонія № 9. (Текстъ финала симфоніи въ новомъ переводѣ **В. Коломійцова**).

Вилеты на означенный концертъ въ музыкальномъ магазинѣ **І. И. Юргенсона** (Морская, 9).

ХІІІ-й сезонъ.

ХІІІ-й сезонъ.

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ СИМФОНИЧЕСКІЕ КОНЦЕРТЫ Графа **А. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.**

Въ Воскресенье, 29-го Ноября 1909 г.,

145-й КОНЦЕРТЪ 145-й

(съ благотворительною цѣлью).

При участіи: г-жъ **М. П. Тобукъ-Чѣркасъ** (М. П. Аонасьева), **Е. И. Меньшовой, О. Г. Андрушевой, Г. М. А. Гольденблума, В. К. Зеленскаго, І. Г. Супруненко, Г. Н. Черногоровко, Н. В. Троицкаго, А. П. Скарятина** (декламация), большаго симфоническаго оркестра и хора **Графа А. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.**

НАЧАЛО ВЪ 2 ЧАСА ДНЯ.

ПРОГРАММА:

ОТДѢЛЕНІЕ І.

(Подъ управленіемъ **М. А. Гольденблума**).

1. Музыка къ

„ПРОМЕТЕЮ“,

съ хорами и декламацией (въ 1-й разъ). *Фр. Листъ.*

Исп.: г-жи **Е. И. Меньшова, О. Г. Андрушевская**; гг. **В. К. Зеленскій, І. Г. Супруненко, Г. Н. Черногоровко, Н. В. Троицкій, А. П. Скарятинъ**, хоръ и оркестръ.

ОТДѢЛЕНІЕ ІІ.

(Памяти **А. П. Бореина**, по поводу 75-й годовщины дня его рожд.).

2. 2-я симфонія Н-мол. Исп. оркестръ.

3. Романсъ „Морская Царевна“, съ орк. (въ 1-й разъ). Инструментовано **М. В. Владиміровичемъ**. Исп. **М. П. Тобукъ-Чѣркасъ**.

4. Баллада „Море“, съ орк. Инструментовано **Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ**. Исп. **В. К. Зеленскій**.

5. а) Хоръ поселанъ пѣзъ оп. „Князь Игорь“, пѣс. хоръ.

б) Половецкій маршъ пѣзъ оп. „Князь Игорь“, исп. оркестръ.

Рояль фабрики **К. М. ШРЕДЕРЪ.**

Цѣны билетамъ (разовыя) отъ **20** коп. до **1 р. 50** коп.

Продажа абонементныхъ билетовъ производится въ конторѣ Дирекціи Концертовъ, Невскій, 16 (уг. Морской), съ 11 до 5 час. дня (тел. № 120—41). Разовые билеты продаются тамъ-же, а также въ Центральной Театральной кассѣ (Невскій, 23).

Дирекция Театральной Библиотеки
И. П. Бореина

Театръ и искусство.

№ 47. — 1909 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Пойдетъ ли цензура въ Каноссу?—Такъ казенныхъ режиссеровъ.—Хроника.—"Анатэма" въ Художественномъ театрѣ. *Н. Госсона*.—Московскія письма. *Эм. Бескина*—Бесѣда о театрѣ. *Вл. Лигачова*.—10-лѣтіе кончины А. Г. Контскаго. А. *Кричевскій*.—Замѣтки. *Ното Новис*.—Маленькая хроника.—Маленькій фельетонъ. Портретность на сценѣ. *Н. Домова*.—Письмо изъ Кіева. *М. Р.*—Письма въ редакцію.—По провинціи.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: М. И. Каширинъ (2 портр.), А. П. Павлова, Ю. Н. Линская, "Анатэма" (3 рис.), "Пѣснь любви и смерти", "Милые люди", Ристори въ роли Медеи, Рашель въ роли Камиллы, А. Г. Контскій, "Саранча", "Тристанъ и Изольда", "Абсолютный нуль", "Холопы".

Приложение: "Библиотека Театра и Искусства", кн. XI. Ихъ карьера. Романъ изъ жизни нѣмецкихъ актеровъ. *В. Вольтерса*, перев. *Ө. Латернера*. (Продолженіе). Ущербъ души. *Измйлова*. Стихотвореніе. *Зои Бухаровой*. Толпа: 1) Смѣхъ. 2) Свистъ. Разск. *Льва Ураилова*. Эстрада. Выпускъ XI. Веселая смерть, пьеса *Н. Евреинова*. Милые люди, пьеса въ 4 д. *В. Тихонова*.

С.-Петербургъ, 22-го ноября 1909 года.

Главное управленіе по дѣламъ печати вновь пересмотрѣло "Анатэму" Л. Андреева, и вторично не находя, такъ сказать, "состава преступления", "еще разъ" разрѣшило пьесу къ представленію, о чемъ и увѣдомило мѣстныя власти циркуляромъ, предлагая, какъ сообщаютъ газеты,

"не препятствовать постановкѣ "Анатэмы", если къ тому не имѣется основаній, изложенныхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ за № 919—1908 г., т. е., если постановка этой пьесы не представляетъ нѣкоторыхъ неудобствъ въ смыслѣ чисто-мѣстныхъ условій или въ самой постановкѣ усматривается намѣренное кощунство. Во всякомъ случаѣ, губернаторамъ предлагается, каждый разъ при запрещеніи, сообщать главному управленію по дѣламъ печати мотивы, повлекшіе за собой запрещеніе какъ означенной пьесы, такъ и иныхъ сценическихъ произведеній".

Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло—если текстъ циркуляра вѣрно переданъ газетами—съ вторичнымъ изданіемъ ц-ркуляра, однажды уже разосланнаго, по ходатайству и настоянію Театральнаго Общества, и какъ читателямъ, увы, слишкомъ хорошо извѣстно, не возымѣвшимъ никакого дѣйствія, чего, впрочемъ, слѣдовало ожидать. Этого же мы ждемъ отъ новаго изданія стараго циркуляра. Ибо не даромъ сказано: non bis in idem—отъ повторенія не только не выигрывается въ силѣ, а явно теряется: оттого римляне, которые прежде всего были мудрыми юристами, и провозгласили это золотое правило. Non bis in idem!

Въ самомъ дѣлѣ, что, въ сущности, представляеть выше приведенный циркуляръ? Да нѣчто, вродѣ проекта о "неприкосновенности личности", какъ эту неприкосновенность теперь трактуютъ наши правыя фракціи въ Думѣ. Личность неприкосновенна, если нѣтъ нужды или желанія сдѣлать ее прикосновенной. Съ одинаковымъ правомъ можно было бы сказать и наоборотъ: личность прикосновенна, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ей дается привилегія неприкосновенности. Пьесу можно ставить, если это не представляетъ "нѣкоторыхъ мѣстныхъ неудобствъ". А этихъ "мѣстныхъ неудобствъ" можетъ быть сколько угодно, если читатели, напримѣръ, припомнятъ напечатанное у насъ недавно письмо г. Невскаго: стоитъ нѣсколькимъ мѣстнымъ "союзникамъ", а то и просто "лицамъ", заявить, что пьеса оскорбляетъ ихъ чувства,—и вотъ вамъ "нѣкоторое мѣстное неудобство" готово. Мы скажемъ, не обвиняясь, что правовое положеніе "Анатэмы", какъ и

вообще, пьесъ, разрѣшенныхъ цензурою, не только не улучшается этимъ циркуляромъ, но прямо ухудшается. Пока цензурное разрѣшеніе разсматривалось, какъ "категорическій императивъ" центральной власти—приходилось отказывать въ постановкѣ съ трудомъ, не безъ борьбы, не безъ "думы". Ну, а когда само цензурное вѣдомство придаетъ своему разрѣшенію столь мало значенія, что "нѣкоторыхъ мѣстныхъ неудобствъ" достаточно для уничтоженія цензурной скрѣпы—тогда, очевидно, церемониться нечего, и гораздо проще не наживать себѣ хлопотъ съ мѣстными "союзниками" и воинствующимъ реакціоннымъ духовенствомъ, объявивъ ихъ—и совершенно справедливо—"нѣкоторыми мѣстными неудобствами", чѣмъ, цѣною непріятностей, поддержать престижъ далекой петербургской цензуры.

Ну, вотъ, напримѣръ, совѣмъ свѣжая телеграмма изъ Саратова: "Въ соборѣ еп. Гермогенъ вторично говорилъ о произведеніяхъ Леонида Андреева, предавая его проклятію".

Само собою понятно, что это даже не "нѣкоторое" а весьма большое "мѣстное неудобство" для губернскихъ властей. Ну, что имъ, въ самомъ дѣлѣ, за охота навлекать на себя гнѣвъ преосвященнаго и явно противодѣйствовать его проповѣди—pour les beaux yeux петербургской цензуры, петербургскихъ центральныхъ учреждений, которыя такъ слабо отстаиваютъ то, что они считаютъ истиною и своимъ служебнымъ долгомъ?

Мы не понимаемъ этой слабости. Мы боимся, что защищая такъ слабо свои позиціи, главное управленіе по дѣламъ печати и министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго цензура находится, постепенно сдадутъ всѣ свои позиціи, и театральная цензура дѣйствительно перейдетъ въ вѣдѣніе губернскихъ консисторій, согласно поданной въ Синодъ запискѣ. Конфликтъ, несомнѣнно, существуетъ, и циркуляры, вродѣ вышеприведеннаго, не только его не устраняютъ, а даже не отсрочиваютъ. Между тѣмъ вопросъ ясенъ—не только по существу—онъ ясенъ даже съ точки зрѣнія нашего дѣйствующаго закона, несмотря на исключительныя положенія. Пьеса, получившая разрѣшеніе, можетъ всегда играть, и только дѣйствительная опасность народныхъ волненій, безпорядковъ и т. п. даетъ администраціи право снимать пьесу,—а не "нѣкоторыя мѣстныя" неудобства. Но этихъ случаевъ—народныхъ волненій—нечего оговаривать: они сами собой понятны.

Кстати. Одинъ изъ нашихъ читателей прислалъ намъ небезынтересную справку, о гоненіяхъ на театры, которую мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь.

Уже Ветхій Завѣтъ—пишетъ онъ—запрещаетъ мужчинѣ носить женское платье—и наоборотъ. Когда, во времена Ирода, стали насаждать въ Іерусалимѣ греческій театръ,—равнины немедленно стали проповѣдывать о религиозномъ упадкѣ. Талмудъ относитъ посѣщеніе театровъ къ смертнымъ грѣхамъ, примѣняя къ вѣрующимъ, избѣгающимъ театральныхъ зрѣлищъ—слова псалма: "блаженъ мужъ, иже не идетъ на соувѣтъ нечестивыхъ и т. д."

Ирландскіе проповѣдники проклинали актеровъ, вслѣдствіе чего актеры были объявлены безчестными и лишенными прісяги. Еще во времена Готтшеда—протестантская церковь отказывала актерамъ въ причастіи и христіанскомъ погребеніи, а изъ шекспировскихъ сонетовъ мы знаемъ, какимъ, даже въ счастливые дни царствованія Елизаветы, англійскій актеръ подвергался ожесточеннымъ преслѣдованіямъ пуританъ. Казалось бы, за что? Наиболѣе значительные писатели, какъ Корлейль, Джонсонъ, Лопе, Шлегель—до Гарвея включи-

тельно—постоянно строили эстетику драмы на моральномъ базисѣ. А вспомните великую услугу, оказанную церкви испанской драмой. Развѣ „Гамлетъ“, собственно говоря основанъ не на вѣрѣ въ реальность адскаго пламени? За что, казалось бы, проклинать?

Александръ Борджиа, еще будучи кардиналомъ, любилъ театр со всей страстностью испанца; ставъ папой—онъ съ величайшимъ наслажденіемъ присутствуетъ на представлении „Мандрагоры“ Никколо Маккиавелли. Но внезапно онъ изгоняетъ актеровъ изъ Рима, ибо послѣдніе, значится въ эдиктѣ, „отвлекаютъ духъ народа отъ серьезныхъ вещей къ пустымъ и тщеславнымъ“ (vanitates).

Что можно возразить противъ гоненія на театр? Развѣ вотъ этими словами изъ „Этики“ Спинозы: „Только мрачное и печальное суевѣріе можетъ запрещать веселиться. Ибо почему же болѣе прилично утолять голодъ и жажду, чѣмъ прогонять меланхолю?.. Таково мое сужденіе и такъ я объ этомъ думаю. Никакое божество и никто, кромѣ развѣ завистника, не можетъ радоваться моему безсилію и моимъ непріятностямъ и не можетъ вмѣнять намъ въ добродѣтель слезы, рыданія, страхъ и другое въ этомъ родѣ, что служитъ признаками безсильной души; напротивъ—чѣмъ болѣе мы испытываемъ радость—тѣмъ къ болѣешему приходимъ совершенству, т. е. т. б. необходимо мы становимся участниками божественной природы. Итакъ, разумный человѣкъ пользуется вещами и насколько возможно наслаждается ими (но не до пресыщенія—ибо это не значитъ наслаждаться). Разумный человѣкъ, говорю я, доставляетъ себѣ удовольствіе умѣренной и пріятною пищею и питьемъ, равно какъ запахомъ и пріятнымъ видомъ расцвѣтающихъ растений, хорошей одеждой, музыкой, гимнастическими играми, зрѣлищами и другими подобными предметами, которыми каждый можетъ пользоваться безъ всякаго вреда для другого“.

Нашъ корреспондентъ пытается дать и объясненіе этому извѣчному гоненію на театр со стороны религіозныхъ проповѣдниковъ. Его точка зрѣнія, что религія, будучи какъ-бы сама трагедіею, относится враждебно къ трагедіи иного рода. Мы не совсѣмъ раздѣляемъ этотъ взглядъ. Но не въ немъ дѣло. Дѣло въ томъ, что театр, отъ вѣка преслѣдуемый ригористами—церковниками, всегда находилъ поддержку и опору въ свѣтской, гражданской власти. Совсѣмъ недавній примѣръ. Театръ былъ признанъ учрежденіемъ государственно полезнымъ и важнымъ особю правительственною комиссіею подъ предсѣтельствомъ Великаго Князя Сергѣя Михайловича, и это признаніе нашло мѣсто на столбцахъ „Правит. Вѣст.“. Казалось-бы, это обязываетъ правительство къ болѣе энергической защитѣ законныхъ правъ театра противъ вмѣшательства духовенства. Въ этой „культурной борьбѣ“, безспорно, все общество, безъ различія взглядовъ и политическихъ убѣжденій, будетъ на сторонѣ правительства, если оно энергически заявитъ, что въ Каноссу не пойдетъ...

Вотъ что, напримѣръ, читаемъ въ владивостокской „Далекой Окраинѣ“ отъ 4 ноября:

Агентъ (!!) общества драматическихъ писателей г. Перлинъ донесъ въ консисторію (!) „о кощунственномъ характерѣ“ Чириковской „Колдуньи“, о пьесѣ, которая уже второй сезонъ безпрепятственно идетъ на всѣхъ сценахъ. Пьеса находится въ данный моментъ на разсмотрѣніи (?) духовнаго начальства.

Оставляя въ сторонѣ фактъ безпримѣрный—сыскъ и доносъ со стороны агента общества драматическихъ писателей (надѣмся, что комитетъ общества немедленно отзовется на поступокъ г. Перлина), нельзя не обратить вниманія на вполнѣ, повидимому, уже установившійся „usus“—цензуру пьесъ консисторіями. Чего же еще ждать?

Какъ намъ телеграфируютъ, судъ оправдалъ М. И. Каширина, привлеченнаго Обществомъ драм. писателей. (См. № 46 Театръ и Искусство“). Конечно, Общество не успокоится, и перенесетъ дѣло въ высшія инстанціи, но рано или поздно, придется оставить нынѣшнюю практику, когда изъ за каждой спорной копейки антрепренеру угрожаетъ перспектива попасть въ уголовные преступники.

Кстати, намъ сообщаютъ, что неправильно поступившихъ въ кассы московскаго Общества и петер-

бургскаго Союза суммъ имѣется по нѣсколько тысячъ въ каждой. Счеты, однако, до сихъ поръ не сведены, а съ антрепренеровъ двойное взыскивается. Дѣла!..

Режиссеры Александринскаго театра въ роли „Освѣдом. бюро“. Въ одесскихъ газетахъ мы находимъ слѣдующія телеграммы А. И. Долинова, ставившаго пьесу г. Ходотова „Г-жа Пошлость“.

Пьеса Ходотова „Г-жа Пошлость“ прошла съ успѣхомъ. Автора вызывали 12 разъ. Режиссеръ Долиновъ.

Въ „Одес. Нов.“ телеграмма г. Долинова изложена въ тонѣ еще болѣе категорическомъ.

Режиссеръ Александринскаго театра А. И. Долиновъ телеграфируетъ намъ, что, вопреки газетнымъ свѣдѣніямъ, новая пьеса артиста Ходотова „Г-жа Пошлость“ имѣла большой успѣхъ у публики. Автора вызывали много разъ.

Телеграммы эти непостижимы—со всѣхъ сторонъ и всѣхъ точекъ зрѣнія. Кстати—одесскія собратья на насъ не постѣютъ—если мы скажемъ, что и помѣщенія этихъ телеграммъ мы совершенно не понимаемъ. Во всякомъ случаѣ, г. Долиновъ—заинтересованное лицо: онъ ставилъ пьесу, и для него, конечно, важно, чтобы пьеса, которую онъ ставилъ, имѣла успѣхъ. Если давать мѣсто сообщеніямъ заинтересованныхъ лицъ, то почему бы не печатать телеграммъ отъ авторовъ играемыхъ пьесъ, отъ актеровъ, играющихъ роли? Такой то телеграфируетъ: „пьеса моя имѣла успѣхъ“. Другой телеграфируетъ: „вчера я игралъ прекрасно“, и пр. Но мало этого: совершенно опредѣленно, телеграмма имѣетъ характеръ полемическій. Это не только мнѣніе г. Долинова о пьесѣ, которую онъ ставилъ, но и явное приглашеніе не вѣрить отзывамъ печати („вопреки газетнымъ сообщеніямъ“). Полагаемъ, что одесскія газеты поступили опрометчиво, печатая реляціи г. Долинова о самомъ себѣ.

Но не въ этомъ, впрочемъ, дѣло. Намъ интересуютъ здѣсь не обычаи и приемы газетъ, а обычаи и приемы сценическихъ дѣятелей. Неужели можно допустить такіа выступленія, да еще полемическія, со стороны режиссера казеннаго театра? Вѣдь казалось бы, это никакъ не вяжется со служебною дисциплиною, о которой такъ хлопочутъ гг. Крупенскіе. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ обстановкѣ даннаго случая, когда дирекцію упрекали, и совершенно справедливо, за непонятное предпочтеніе, сдѣланное пьесѣ г. Ходотова, подобное выступленіе г. Долинова можно истолковать, какъ косвенное „освѣдомительное“ сообщеніе г. Теляковского. Во всемъ этомъ нѣтъ такта—ни служебнаго, ни художественнаго, и можно подивиться, до чего расшатались основныя формы общепринятаго поведенія.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— По словамъ газетъ, артистъ театра Корша г. Чаринъ покидаетъ навсегда сцену и поступаетъ на должность земскаго начальника въ московскомъ уѣздѣ.

— 28 ноября въ большомъ залѣ Консерваторіи состоится юбилейный концертъ по случаю 35-лѣтія музыкальной и педагогической дѣятельности хормейстера Императорской оперы Г. А. Казаченко.

— На понедѣльникъ, 23 ноября, въ Театральномъ клубѣ назначены для „собесѣдованій“ слѣдующія темы: „Нѣмецкій театр“ и „Максъ Рейнгардтъ“—Г. Гилони; „Кабарѣ“—Оскара Норвежскаго и „Объ изслѣдованіи актерства“—Льва Васильскаго.

— 15 ноября въ Маріинскомъ спектаклѣ праздновался 10-лѣтній юбилей службы на казенной сценѣ А. П. Павловой. Собственно говоря, 10 лѣтіе исполнилось еще весной. Юбиларшъ былъ поднесенъ отъ публики, по подпискѣ, цѣнный подарокъ—крупный брилліантъ стоящій 4,000 руб.

— 10 декабря въ залѣ Павловой состоится спектакль въ пользу школъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и Высшихъ Женскихъ строительныхъ Курсовъ. Будетъ поставлена комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ: „Черезъ порогъ—къ счастью“, Ив. Н. Ладыженскаго.

— Въ журналѣ распоряженій по дирекціи объявлено о новомъ порядкѣ выдачи контрамарокъ „артистамъ, служащимъ и лицамъ, имѣющимъ на то право“.

Записи лицъ, желающихъ получить контрамарки, открываются наканунѣ дня спектакля на особомъ для каждаго театра листѣхъ и поступаютъ на утвержденіе дирекціи.

Гербовыя марки при этомъ не полагаются.

— 17 ноября, послѣ продолжительнаго промежутка, въ первый разъ выступилъ въ „Холопахъ“ Ст. Яковлевъ.

— Вѣсти изъ убѣжища сценическихъ дѣятелей. Завѣдывавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ убѣжищемъ М. И. Аристова оставила, по домашнимъ обстоятельствамъ, свою должность. Въ убѣжище вновь возвратился В. О. Степановъ. У живущаго въ убѣжищѣ П. А. Волховскаго случилось несчастье: застрѣлился его сынъ, докторъ, молодой человѣкъ 26 лѣтъ. Несчастье подѣйствовало на старика крайне удручающее.

— Дѣло между дирекціей театральнаго клуба и кн. М. Н. Волконскимъ о „Вампукѣ“, либретто которой принадлежитъ послѣднему, кончилось примиреніемъ.

— Мы получили слѣдующую телеграмму: „Прошу напечатать въ журналѣ опроверженіе газетныхъ слуховъ: претендентомъ на харьковскій театръ не выступалъ, заявленія не подавалъ по причинѣ личныхъ соображеній. Никулинъ“.

— Артистка П. М. Арнольди уже четвертую недѣлю больна и, по предписанію врачей, скоро уѣдетъ въ Италію на островъ Капри.

— Фарсовый артистъ г. Свирскій формируетъ на великій постъ труппу и собирается везти въ провинцію оперетку „Разведенная жена“.

— Еще одно запрещеніе. Изъ Саратова телеграфируютъ о запрещеніи „Разбойниковъ“ Шиллера на сценѣ общедоступнаго театра.

* * *

Московскія вѣсти.

— 18 ноября въ Большомъ театрѣ состоялся бенефисъ Л. Ю. Звягиной, данный ей по случаю исполнявшагося 20-лѣтія службы артистки на этой сценѣ.

Для юбилейнаго спектакля была поставлена опера „Русланъ и Людмила“, въ которой 20 лѣтъ назадъ г-жа Звягина впервые выступила передъ московскою публикой.

Биографическія свѣдѣнія и портретъ артистки дадимъ въ слѣдующемъ номерѣ.

— П. Д. Воборыкинъ окончилъ новую пьесу „Печальница“. Центральная фигура пьесы—старуха-мать, у которой казнили двухъ сыновей.

* * *

Михайловскій театр. „Ровенскій боецъ“, Ф. Гальма. Въ абонементное представленіе „Ровенскаго бойца“ собрало 18 ноября полный театр. Мысль организовать въ Михайловскомъ театрѣ спектакли по удешевленнымъ цѣнамъ дала блестящіе результаты и не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать имъ большую будущность.

Красивая, обстановка пьеса, имѣющая возвышенную, благородную идею, была разыграна очень хорошо. Успѣхъ, вполне заслуженно, дѣлили г-жи Пушкарева и Есиповичъ и г. Юрьевъ и Корвинъ-Круковскій. Г-жа Пушкарева (Туснельда) играла съ большимъ подъемомъ. Г-жа Есиповичъ была прямо картинно-красива въ роли цвѣточницы Лициски. И внѣшность, и костюмъ, и грація ея были въ полной гармоніи, а сцена искушенія Тумелика показываетъ въ ней способность для ролей *grande coquette*. Роль Лициски очень трудна, благодаря тѣмъ особенностямъ, которыя вложилъ въ нее Фр. Гальмъ. То это необузданное дитя рынка, то это граціозное созданіе, жаждущее любви и ласки, то это гордая римлянка. И со всѣми этими переходами г-жа Есиповичъ хорошо справилась.

Тумелика, этого сбитаго съ прямого пути юношу, игралъ г. Юрьевъ съ обычною ему горячностью. Очень сильно проведена была имъ сцена отреченія отъ Германіи. А монологъ его „Ликуетъ Римъ...“, гдѣ онъ восторженно рисуетъ ощущенія бойца на аренѣ, былъ покрытъ громкими аплодисментами.

Г. Корвинъ-Круковскій (Цезарь Кай-Калигула) понравился мнѣ, особенно въ послѣдней сценѣ, въ своей, поистинѣ, бѣшеной, безильной злобѣ, когда онъ выслушиваетъ горячую отповѣдь Туснельды. Но и въ другихъ своихъ сценахъ онъ былъ достаточно стилизъ.

Нельзя не отмѣтить г. Лерскаго въ роли Меровига, этого типичнаго честнаго германца. Костюмъ и гримъ были очень хороши.

* * *

Литейный театр. Кромѣ новой драмы въ 2 д. г. Пружанскаго—„Любовь сильнѣе смерти“, поставленъ съ участіемъ г. Казанскаго новый водевилъ г. Мясничаго—„Да здравствуетъ свобода!“

Подъ такимъ заглавіемъ, рассчитаннымъ на сенсацию,

авторъ написалъ лубокъ, притомъ и несмѣшной; даже снисходительная публика „Гиньоля“ не удержалась отъ протестовъ послѣ этого балагана, разыграннаго къ тому же небрежно, безъ знанія ролей, поставленнаго тоже кое-какъ. Вообще срепетовка и *mise en scène* въ этомъ театрѣ—слабое мѣсто, распределение ролей часто совершенно непонятно и такіе хорошіе актеры, какъ г. Бецкій, Курихинъ, Шарапъ появляются въ роляхъ, не подходящихъ къ ихъ артистическимъ индивидуальностямъ.

На послѣдней премьере по болѣзни г. Бецкаго не пошла „сатира“ г. Сабурова—„Гоголь въ Петербургѣ“, а поставленная на другой день затѣмъ исчезла съ афиши. вмѣсто нея играли остроумную французскую пьеску „Двѣ куртизанки“.

Н. Тамаринъ.

* * *

Лиговскій народный театр. 15-го ноября здѣсь поставили (первый разъ въ Россіи) двухъактную драму Бьернсена „Свыше нашей силы“,—драму, о которой Георгъ Брандесъ сказалъ, что ничего лучшаго не создалъ даже Ибсенъ. Можно искренно удивиться—почему это прекрасное произведеніе такъ мало у насъ извѣстно. Оно производитъ потрясающее впечатлѣніе на зрителя, давая въ то же время богатый матеріалъ актеру.

Пасторъ Адольфъ Сангъ—человѣкъ громадной, непоколебимой вѣры, живетъ жизнью истиннаго христіанина. Слава его разнеслась далеко по окрестностямъ; отовсюду везутъ къ нему больныхъ, выздоравливающихъ по его молитвѣ. Только жену свою, нѣжно любимую, кроткую Клару, уже нѣсколько лѣтъ лежащую безъ ногъ—не можетъ исцѣлить пасторъ: Клара—невѣрующая, а для исцѣленія нужна—„цѣль молитвы“. Сангъ вызываетъ изъ Америки дѣтей своихъ, проситъ ихъ молиться за мать—но они потеряли чистую вѣру отца, сохранивъ глубокое благоговѣніе къ свѣтлой душѣ его. Тогда пасторъ идетъ молиться одинъ—и по молитвѣ его на глазахъ изумленныхъ прихожанъ—совершается чудо: Клара встаетъ. Но потрясенная нервная система ея не выдерживаетъ: она умираетъ. И для Санга—подвигъ его—оказывается свыше силы, силы человѣческой и онъ падаетъ мертвымъ, рядомъ съ женой. Таково вкратцѣ содержаніе этого превосходнаго, полнаго тончайшей психологіи, мягкой лирики и теплой неподдѣльной гуманности произведенія.

Г. Гайдебуровъ и съ внѣшней и съ внутренней стороны нашелъ удачные тона и краски для передачи обаятельнаго своей кроткою мощью Санга. Г-жа Скарская изящная, нѣжная Клара, дала цѣлую гамму сложныхъ женскихъ переживаній. Дѣтей ихъ жизненно сыграли г-жа Толстая и г. Авловъ. Въ молодыхъ артистахъ—г. Порватовъ (измученный религіозными сомнѣніями пасторъ Браттъ) и г. Шаровъ (помощникъ Санга—Крейеръ) театръ сдѣлалъ хорошаго пріобрѣтенія. Первый подкупаетъ искренно драматическими нотами; второй—горячей непосредственностью исполненія.

Остальные исполнители—толково и добросовѣстно поддерживали ансамбль.

Пьеса тщательно поставлена г. Гайдебуровымъ.

* * *

Театръ „Пассажъ“. Бенефисъ г-жи Потопчиной—16 ноября—собралъ очень много публики. Шли въ одинъ вечеръ двѣ оперетки „Вера Віолетта“ и „Принцесса Долларовъ“. Впрочемъ, первая оперетка могла бы безъ особеннаго ущерба для публики и для бенефициантки совсѣмъ не итти. Бенефисная реставрація ни на юту не сдѣлала ее интереснѣе.

Въ мелодичной опереткѣ „Принцесса долларовъ“ г-жа Потопчина показала зато всѣ свои достоинства. Роль молоденькой племянницы милліардера г-жа Потопчина провела со своей обычной граціозной шаловливостью и тѣмъ милымъ женственнымъ изяществомъ, которое, увы! очень рѣдко встрѣчается у русскихъ опереточныхъ примадонъ.

Красиво и пластично исполнила г-жа Потопчина пресловутый танецъ „дѣвола“, въ которомъ такъ много тонкой пикантности притаившагося грѣха...

Не отставали отъ бенефициантки и другіе исполнители. Такъ, очень ярко играла независимую дочь американскаго милліардера г-жа Легаръ-Лейнгартъ. Жаль только, что ея яркость иногда болѣе фарсовая, чѣмъ опереточная, а независимость американской дѣвушки она порой смѣшиваетъ съ развязностью французской кокетки.

Довольно веселъ въ роли милліардера г. Тумашевъ. Исполненіе г. Августова отличается благородствомъ.

Г. Грековъ въ роли Ганса... очень много смѣшилъ публику, хотя въ немъ болѣе развязности опытнаго актера, чѣмъ настоящаго комизма.

Поставлена оперетка очень старательно, хотя покоямъ милліардера не позавидовалъ бы самый скромный гоголевскій чиновникъ.

Бенефицианткѣ были поднесены цвѣты.

Сергій Т.

* * *

Продолженіе Хроники на стр. 841.

М. И. Каширинъ, 20 лѣтъ тому назадъ.

„Апатэма“ въ Художественномъ театрѣ.

Говоря о пьесѣ «Апатэма», я нахожу совершенно безцѣльнымъ касаться собственно «манеры» андреевскаго творчества.

Въ искусствѣ важно только то, что создается художникомъ совершенно по своему. Но невольно возникаютъ вопросы: хорошо, но что же дальше? какая мысль въ этомъ? какая связь съ міромъ?

Апатэма—«духъ отрицанія, духъ сомнѣнія»—чрезвычайно упрощенъ у г. Андреева и не только по вѣшнему виду (это, пожалуй, условно), но и по внутреннему содержанію. Все что онъ говоритъ, отличается почти тенденціозностью, резонерствомъ и слишкомъ современной окраской. Это, по крайней мѣрѣ на меня, подѣйствовало какъ-то охлаждающе.

Впрочемъ, согласенъ, нашъ русскій «демонизмъ», особенно въ послѣднее время, вообще довольно жалокъ, и при серьезномъ испытаніи, нерѣдко ползаетъ «на брюхѣ», подобно Апатэмѣ.

Кругъ понятій андреевскаго демона лишь на землѣ и въ земномъ. Апатэма не послѣдователенъ и противорѣчивъ самому себѣ. Въ немъ, если угодно, даже много певрастенин. Нуженъ-ли такой демонъ для насъ—и безъ того слабыхъ? И почему Апатэма демонъ? Не вѣрите-ли онъ символическое изображеніе нашего вѣка, терзаемаго внутренней пустотой, дерзкимъ, безцѣльнымъ любопытствомъ проникнуть за грань бытія и тишично-рабскимъ желаніемъ побольше нагнать тому, что выше нашего разумѣнія?

Впрочемъ, на мой взглядъ, изображеніе демона до сихъ поръ еще никому не удалось. И Байронъ, и Гете не могли ничѣмъ замаскировать впечатлѣніе страшной условности этого образа. Приму упрекъ въ прямолинейности и замѣчу—демона никто никогда не видѣлъ. Какъ изображать то, чего нѣтъ въ дѣйствительности? Символизировать же что либо этимъ духомъ, сливать демоническій элементъ съ бытовымъ, гораздо легче, доступнѣе и правдивѣе. Такъ, шекспировскій Ричардъ III, шиллеровскій Францъ пропитаны демонизмомъ. Но въ возможность такихъ людей вѣрнѣе, потому что ничто изъ ихъ вѣшнихъ и внутреннихъ проявленій не переходитъ за грань сверхъестественнаго. И отъ этого впечатлѣніе получается сильное, ясное, определенное. Апатэма же только мысленно представляемый духъ, стремящійся самымъ прозаическимъ путемъ найти разгадку жизни

и черезъ посредство Давида Лейзера вступающій якобы въ бой съ Невѣдомымъ, «хранящимъ завѣты».

Кстати, какому, хотя-бы размогущественнѣйшему изъ демоновъ, станеть отвѣчать Небо на дерзкіе разспросы—въ чемъ истина и гдѣ искать правду, по какой причинѣ мучается смертный на землѣ? И если станеть, то какое изъ гениальнѣйшихъ откровеній дастъ малѣйшее понятіе чело-вѣку о содержаніи «Небеснаго» отвѣта?

Мыслимо-ли представить, чтобъ «Нѣкто, хранящій завѣты», заговорилъ на землѣ и если заговорилъ, то плоскимъ языкомъ, выражая плоскій отвѣтъ?

По моему бытовой элементъ пьесы выраженъ, гораздо лучше. И если бы адвокат Нулюсь былъ не дьяволъ, а просто чело-вѣкъ безъ претенціозно-«глубокихъ» афоризмовъ и если бы поменьше было разсужденій, пьеса эта все-таки была-бы замѣчательнымъ произведеніемъ послѣднихъ лѣтъ.

Но этотъ безъ нужды грозящій и все бездоказательно обобщающій демонизмъ значительно затемняетъ трогательную сторону пьесы въ лицѣ Давида Лейзера.

Давидъ Лейзеръ представленъ г. Андреевымъ совершеннымъ идеалистомъ. Давидъ Лейзеръ весь полонъ чисто дѣтской утопией сдѣлать людей счастливыми. Это очень своеобразно и правдиво выражено у г. Андреева. Омрачается этотъ образъ лишь тѣмъ, что такая мысль явилась у Лейзера не сама по себѣ, а черезъ внушеніе Апатэмы.

Лейзеръ по самой своей природѣ—чело-вѣкъ голубиной кротости и чистоты. Къ тому же еще онъ съ давнихъ лѣтъ испыталъ весь леденящій гнетъ нищеты. Это обстоятельство должно было само собой, безъ всякаго посредства Апатэмы, натолкнуть его на потребность благодѣлать, когда ему неожиданно досталось богатство.

Безъ фразъ, постановка «Апатэмы» даетъ право Вл. И. Немировичу-Данченко на званіе большого художника.

Главная черта режиссерскаго дарованія г. Немировича-Данченко—необычайное благородство замысла, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ. Ни одного лишняго или кричащаго штриха. Паузы соотвѣтствуютъ данному моменту,—полумракъ первой сцены удивительно гармонируетъ съ общимъ колоритомъ пьесы.

Грандіозная, уходящая въ безконечную высь стѣна, окутанная густымъ туманомъ. Едва замѣтный полусвѣтъ гдѣ то вверху какъ бы свидѣтельствуешь о яркомъ, золотомъ сіяніи за стѣною, о морѣ свѣта. Кругомъ таинственныя скалы. И на нихъ, въ какой-то ужасающей дымкѣ, мощная тѣнь непостижимаго существа, хранящаго завѣты. Гигант-

М. И. Каширинъ.

(Къ 20-лѣтію сценической дѣятельности).

А. П. Павлова.

(Къ 10-лѣтію службы на казенной сценѣ).

скихъ размѣровъ крылья причудливо сливаются со складками волнистаго одѣянія.

Первое впечатлѣніе при открытіи занавѣса—глубокая мгла, изъ-за которой постепенно вырисовываются фигуры «Нѣкоого» и «Анатэмы». Чувствуется во всемъ какая-то жуткая тишина, жестокая и вѣстѣ мудрая безмятежность. А снизу, съ земли, доносятся голоса людей—скорбные, жалкіе, слабые.

Непередаваемо правдивы и живописны въ своемъ убожествѣ двѣ картины на рынкѣ въ концѣ города. Въ качествѣ провинціального гастролера, скитавшагося столько лѣтъ по закоулкамъ Россіи, я не разъ видѣлъ такія картины.

Представьте, недалеко отъ моря, дырявыя лавченки отчаянныхъ бѣдняковъ-торговцевъ, у которыхъ уже давно никто ничего не покупаетъ. Надо видѣть эту смертельную тоску на ихъ лицахъ!

Потрясающая сцена, когда кучка евреевъ чествуетъ Лейзера триумфальной встрѣчей, съ бросаніемъ зеленыхъ вѣтокъ, съ нестройнымъ, дикимъ оркестромъ музыки, флагами, разстиланіемъ Лейзеру подъ ноги платковъ. Особенно ярко выдѣляется здѣсь еврейскій и какъ бы символическій танецъ всего человѣчества—танецъ надъ вѣчной, міровой пропастью въ лицѣ смерти, танецъ на крови и отчаяніи отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, танецъ не сознаваемого пока ужаса человѣческаго безсилія передъ загадкой вѣчности...

Поразительно также выдержана въ вѣжныхъ, южныхъ тонахъ природа, среди которой расположена строгая терраса мраморнаго дворца уже миллионера Лейзера. И какой безысходностью вѣетъ отъ шестой сцены, представляющей бездонный обрывъ за каменной стѣной, гдѣ Лейзера толпа побиваетъ камнями за все его посильное добро относительно ихъ.

Я всегда отдавалъ должное строгому дарованію г. Качалова, цѣнилъ его независимость и благородство, съ ка-

кимъ онъ несетъ тяжелое бремя актера. У меня до сихъ поръ передъ глазами его скульптурный, почти совершенный образъ Юлія Цезаря, но... въ Анатэмѣ это былъ не мой Качаловъ—всегда законченный, ясный. Анатэма же, право, не въ человѣческихъ средствахъ, и, простите за невольную вульгарность, я совѣмъ не представляю, какъ вообще можно играть... «чертей». Если же взять Анатэму, какъ воображаемое, какъ возможность жизни, какъ символъ гордаго разума, какъ отчаяніе человѣчества, то такой образъ не въ качаловскихъ средствахъ, прямо таки въ физическомъ смыслѣ. Тембръ и размѣръ голоса г. Качалова, движенія и вся фигура для этого образа слишкомъ современны, т. е. лихорадочны, неровны, хрупки, прозаически-разсудочны.

Это не значить, что я хотѣлъ бы какой-то картонности условныхъ «героевъ» отъ г. Качалова.

О, разумѣется, въ маленькомъ Наполеонѣ, съ прозаическимъ брюшкомъ жилъ также великій духъ! Но нуженъ же какой-нибудь стиль для Анатэмы? Хотя бы стиль эпохи Ренессанса, какъ болѣе подходящий для натуры демона. Эта эпоха историческаго значенія первая опредѣленно и смѣло сбросила съ себя оковы догматизма.

Качаловскій Анатэма современнѣе еще и тѣмъ, что полонъ какого-то скрытаго тѣсславія. По моему, это очень мелко для дьявола.

Анатэма-Качаловъ страшно субъективенъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни спокойныхъ, систематическихъ обобщеній психологическихъ проблемъ. Его протестъ противъ оковъ плоти нисколько не страшень.

Настоящій герой сразу всѣмъ своимъ видомъ невольно подчиняетъ себя (а демонизмъ не тотъ же ли героизмъ?).

Я не противъ субъективности. Но дьяволъ, какъ нѣкое божество, непременно *безличенъ* въ высшемъ значеніи, а значить и объективенъ, чего въ г. Качаловѣ нѣтъ и въ поминѣ. Его Анатэма какой-то Untermensch, а можетъ быть и сверхчеловѣкъ въ современномъ вкусѣ: все отвергающій и ничего въ замѣнъ не дающій.

Часть вины за такое впечатлѣніе отъ Анатэмы должна пасть на автора. Да не посѣтуетъ на меня Л. Н. Андреевъ, его «Анатэма» въ смыслѣ богоборчества нѣсколько напоминаетъ бѣдную собаченку, которой прищемили ногу тяжелой дверью; собаченка жалобно и злобно, но бессильно воетъ, прихрамывая и волоча пострадавшую ногу.

Вся міровая исторія есть рядъ попытокъ хоть сколько нибудь приблизиться къ постиженію Божества. Припомнимъ Ветхій Завѣтъ, какъ тамъ всегда являлось Божество въ морѣ огня, ударовъ грома, въ ослѣпительномъ сіяніи без-

Къ 50-лѣтнему юбилею „Грозы“, Острогскаго.

Ю. Н. Линская,

первая исполнительница роли Кабанихи.

примѣрной силы и величавой красоты, и при всемъ этомъ безъ опредѣленнаго облика... И вдругъ—Анатэма: въ прозаическомъ нескладномъ сюртукѣ, въ широкихъ панталонахъ на тонкой фигурѣ средняго роста!

Мнѣ всегда было нестерпимо это богоненавистничество, имѣющее своимъ основаніемъ очень дешевую подкладку т. е. собственную, злую немощь и надменность этой немощи.

Посмотрѣвъ Анатэму, мнѣ невольно пришелъ въ голову великій, сгранно-плѣнительный Гейне. Мнѣ пи за что не забыть его слѣдующихъ словъ:

«Я никогда не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ, и взялъ безъ проверки синтезъ философіи Гегеля. Я былъ юнъ и тщеславенъ. Моей гордости льстило, когда посредствомъ Гегеля я узналъ, что на землѣ не Господь Богъ, —живущій въ небесахъ, какъ полагаетъ моя бабушка, а я самъ себя богъ»...

Андреевъ въ своемъ «Анатэмѣ» какъ бы находится между двухъ огней: между идеалистической философіей Канта и Фихте и современнымъ сверхчеловѣчествомъ, такъ дурно понятымъ съ легкой руки Ницше.

Съ потерей религіознаго чувства люди мгновенно становятся вульгарны, при всемъ даже вѣшнемъ изяществѣ. Кто мы, чтобы дерзко, чуть не хамски, вопрошать небо о томъ, гдѣ справедливость, когда какой-нибудь ударъ грома, желѣзо, сорвавшееся съ крыши мгновенно могутъ заставить насъ замолчать навѣки?

Я уже сказалъ, что бытовая сторона «Анатэмы» — самое лучшее въ пьесѣ. И на первое мѣсто здѣсь долженъ быть поставленъ г. Вишневскій. Столько такта, благородной простоты и сердечности внесъ онъ въ эту роль! Г. Вишневскій отличается очень цѣннымъ для актера качествомъ—онъ никогда не пренебрегаетъ тѣмъ, что говоритъ ему собственное чутье. Вѣда, когда мы, актеры, начинаемъ умничать, да всячески разсуждать о данной намъ роли. Даже исключительные, по головные актеры, вроде Поссарта, по причинѣ слишкомъ усерднаго анализа, изображаемаго ими, замораживаютъ до боли, до зѣвоты зрителей, особенно въ такихъ демоническихъ роляхъ, какъ тотъ же Францъ Шиллера.

Чрезвычайно хорошъ г. Вишневскій, когда остается наединѣ съ Анатемой. Нужно слышать изъ его устъ, какъ онъ произноситъ слово Нулюсь. Вся истерзанная душа не только еврея, но вообще человѣка выражается въ интонаціи, съ какой артистъ выговариваетъ это имя.

Но самая лучшая сцена у г. Вишневскаго—на террасѣ

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

„Анатэма“, Л. Андреева.

Сура (Н. С. Бутова) и Роза (М. Н. Германова).

дворца, когда онъ уже сталъ миллионеромъ и какъ-бы изнемогаетъ подъ гнетомъ роскоши, сіянія богатства. Казалось, что каждое мѣсто на этой террасѣ какъ-бы обжигаетъ Лейзера—Вишневскаго. Онъ тайно, въ душѣ, мечется при видѣ Суры, столь растерянно и смущенно выглядѣвшей изъ подъ своихъ брилліантовъ. Въ ней каждый жестъ выражалъ еще вчерашнюю полунищую, забытую еврейку. Лейзеръ—Вишневскій съ безконечной грустью смотрѣлъ на своего сына Наума, когда тотъ въ смертельномъ чахоточномъ недугѣ, какъ трупъ, ради тщеславія, танцевалъ часами, до упаду, подъ смычкомъ своего неумолимаго, таинственнаго учителя танцевъ. Лейзеръ—Вишневскій, какъ-бы принималъ на себя все проклятіе міра, когда его красавица дочь Роза такъ самоувѣренно, дерзко-красиво и надменно тянулась изъ всѣхъ силъ въ свѣтскія дамы, въ омутъ обманчивыхъ миражей и позолоченнаго распутства.

И когда толпа голодныхъ рваныхъ бѣдняковъ окружила Лейзера—Вишневскаго, это уже былъ не жалкій, забытый еврей, а библейскій вдохновенный образъ проповѣдника—безконечной доброты и кротости.

Досадно только, что не во всѣхъ сценахъ г. Вишневскій выдержалъ роль и впадалъ въ еврейскій «жанръ», лишая Давида Лейзера картинности и спокойнаго величія библейскаго іудея,—величія и благородства, которые до сихъ поръ еще такъ характерно проявляются у очень старыхъ евреевъ въ какой-нибудь отчаянной глуши...

Давидъ Лейзеръ—это олицетвореніе разбитаго вѣчнаго сердца. Грубая сторона жизни поколебала его поэтическую вѣру въ Мессію, наполнила его безысходнымъ отчаяніемъ, вслѣдствіе сознанія слабости человѣческихъ силъ, неспособныхъ совершить чудо для утоленія физическихъ и нравственныхъ страданій человечества.

Такъ, впрочемъ, въ цѣломъ и исполняетъ его г. Вишневскій.

Изъ остальныхъ артистовъ считаю обязанностью отметить г-жу Бутову. Она играетъ Суру прекрасно. Съ перваго же акта артистка даетъ что-то пророческое. И такое пониманіе вполне оправдывается потомъ, когда изъ вдругъ разбогатѣвшей и манерной еврейки она сужила высидѣться до идейнаго сознанія благородной миссіи своего мужа.

Гримъ артистки, жесты, вся фигура полны какой-то безсознательной одухотворенностью и силой воли въ минуты

„Анатэма“, Л. Андреева.

Шарманчикъ (Н. Ф. Баліевъ) и дѣвочка отъ Сонки (О. В. Богословская).

особенного горя. Это очень рѣдкое и большое достоинство артистки.

Всегда интересна по своей рѣзкой окраскѣ роль Розы въ исполненіи г-жи Германовой. Къ ней необыкновенно идетъ эта типическая розовая красота еврейки съ пышными черными волосами, пунцовыми губами и миндалевидными глазами. Каждый жестъ артистки выражалъ эту прямолинейную психологію Розы съ ея нескрываемымъ дерзкимъ эгоизмомъ здоровья и сознаваемыхъ своихъ чредастей.

Г. Горевъ—Паумъ—сынъ Лейзера правдивъ и типиченъ для этой роли.

Въ заключеніе мнѣ хочется сказать, что собственно порождаетъ такіе пьесы, какъ «Анатэма». Властитель нашихъ думъ въ настоящее время—Ницше. Нашъ вѣкъ также нельзя себѣ представить безъ него, какъ эстетику безъ Шекспира.

Съ одной стороны—христіанская мораль, съ другой—Ницше—скептическій критикъ, проповѣдникъ новыхъ, иныхъ началъ религіи, нравственности, политики,—убѣжденный сторонникъ того, что одинъ родится рабомъ, другой—господиномъ.

Отсюда это печальное презрѣніе къ массамъ, эта погоня во чтобы то ни стало за личнымъ счастьемъ, хотя-бы цѣною полного равнодушія къ массѣ, невыразимая боязнь неизбежнаго грядущаго равенства—этого общаго дѣла прогрессивныхъ силъ человѣчества,—и Анатэмы готовы.

Н. Россовъ.

Московскія письма.

19.

Скромно, почти незамѣтно, среди «новыхъ» артистическихъ созвѣздіи живетъ Надежда Варооломеевна Бурдина. Ей 69 лѣтъ. Изъ нихъ она 60 на сценѣ. И этотъ шестидесятилѣтній юбилей она справляла на-дняхъ на сценѣ театра Корша, гдѣ служить уже 9-й годъ. Впрочемъ «справляла»—будетъ не точно сказано. Отъ всякаго чествованія она отказалась. Въ утреннемъ спектаклѣ «Грозы» ее почти насильно вывели на сцену послѣ перваго

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

„Анатэма“, Л. Андреева.

Лейбке-музыкантъ (С. Л. Кузнецовъ).

акта. О. А. Коршъ сказалъ маститой артисткѣ привѣтственное слово, въ которой назвалъ ее «почетнымъ членомъ труппы до самой смерти»:

— Хотите играть, хотите не играть!

Вотъ и все чествованіе. Но на рѣдкость скромная Н. В. и отъ него отказывалась:

— Голубчики, я умру на сценѣ, когда стану читать телеграммы, непременно умру. Не надо!

«Не хотѣтъ играть» П. В., конечно, не можетъ. Но играть ей уже трудно. Она плохо слышитъ. Выступаетъ она въ пьесахъ Островскаго. Ихъ она знаетъ наизусть и считается, по заслугамъ, одной изъ лучшихъ исполнительницъ.

Съ грустью я смотрѣлъ ее въ Кабанихѣ въ воскресенье, въ день пятидесятилѣтняго юбилея «Грозы». Съ грустью потому, что сейчасъ такъ уже не играютъ. Ея Кабаниха—сила, даже теперь, въ исполненіи 69-лѣтней плохо слышащей старухи.

И какая разница между «грозою», Кабанихой, и милой, привѣтливо глядящей на васъ поверхъ очковъ старушкой Бурдиной въ жизни. Чувствуешь, что это перевоплощеніе большой актрисы, большой школы. Чувствуешь и благоговѣешь. Чувствуешь и понимаешь, что могла сдѣлать эта актриса, когда она хорошо слышала, и еще не носила очковъ. Такъ, въ запущенной барской усадьбѣ вѣтъ еще прошлымъ «Вишневаго сада».

— О, какой тамъ юбилей,—отмахивается руками Н. В.,—какой юбилей! Я родилась на сценѣ. На сценѣ и умру. Волъ стирикъ Грессеръ,—внезапно прерываетъ она теченіе своей мысли,—уже умеръ. Жилъ въ номерахъ, дверь какъ разъ противъ моей.

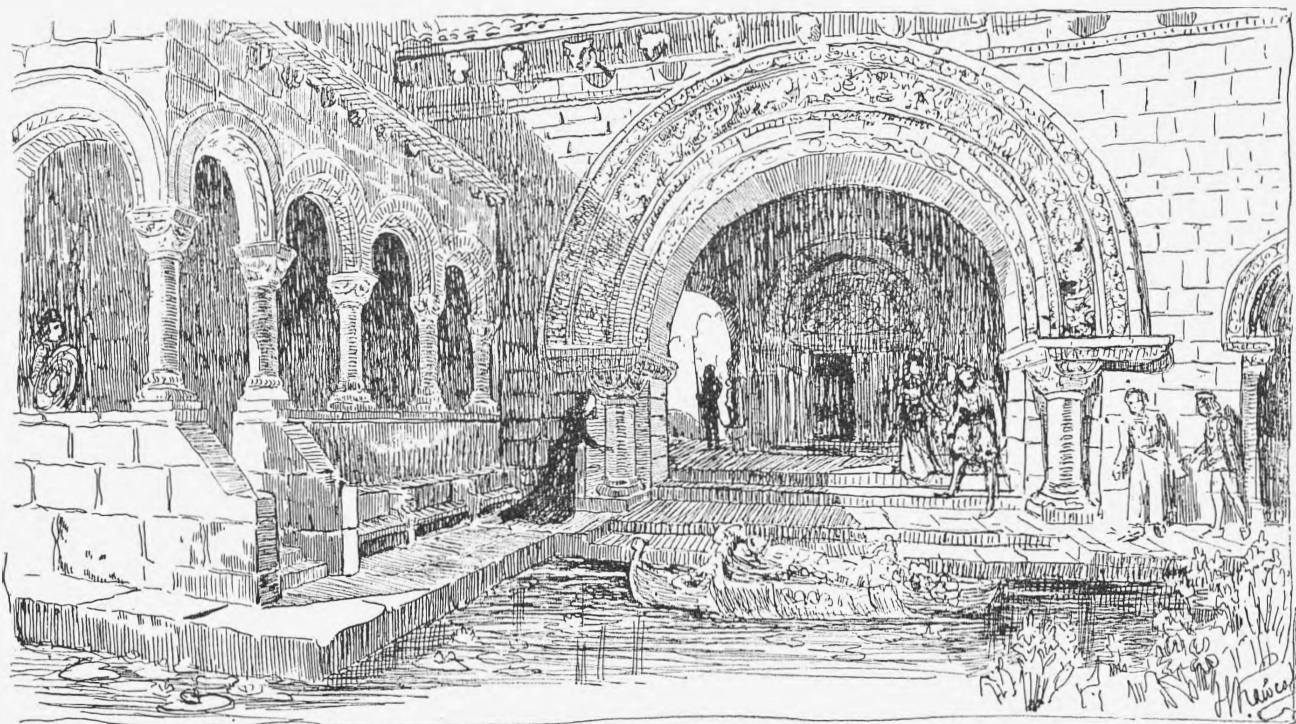
И Н. В. съ жаромъ начала рассказывать, какъ мучился покойный Грессеръ. Какъ за нимъ ухаживала не отходя, днемъ и ночью, какая-то дама. Какъ она хотѣла предложить ей отдохнуть, уйти и доверить больного ей. Она присмотрѣла за нимъ, какъ мать.

Съ трудомъ удастся направить рѣчь Н. В. на собственную ея жизнь и возстановить кое-что изъ ея жизни.

Эти вышнія данныя располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. Н. В. Бурдина актриса наслѣдственная. Ея отецъ былъ небезызвѣстный въ свое время оперный пѣвецъ Лининъ. Первые проблески воспоминаній Н. В. относятся къ Саратову, гдѣ держалъ тогда оперу Залѣвскій. У Залѣвскаго балетмейстеромъ былъ Николаевъ. Это и былъ первый учитель Н. В. Кромѣ оперъ часто ставились еще небольшіе одноактные балеты и балетные дивертисменты. Въ нихъ Н. В. Бурдина семи-восьмилѣтней дѣвочкой дѣлала первые шаги по сценѣ. Въ оперѣ «Леста» она даже пѣла куплеты «на свѣтѣ мужчины, какъ мухи къ намъ льнуть». Балетъ, оперетка, драма составляли тогда еще одно благодарное искусство театра. Шестнадцати лѣтъ она выходитъ замужъ за драматическаго актера Бурдина и послѣ трехъ лѣтъ супружеской жизни остается 19-лѣтней вдовой. Началась тяжелая актерская страда. Н. В. отлично помнитъ то громадное впечатлѣніе, какое произвело появленіе на провинціальной сценѣ «Грозы». Въ «Грозѣ» она играла сначала Варвару, а потомъ «Кабаниху». Изъ крупныхъ дѣлъ и городовъ, въ которыхъ пришлось служить подолгу, Н. В. называетъ Тифлисъ (10 лѣтъ), Лентовскаго, Соколовскаго и теперь Корша.

— Да, всякое бывало,—снимая очки, замѣчаетъ Н. В.—Вотъ теперь, читала, пишутъ гардеробы, туалеты заѣдають. А тогда героиня получала жалованья шестидесятъ, ну семьдесятъ пять рублей. И гардеробу-то у ней всего было,—я сама знала такую,—одно черное платье. Да еще мантилья, сдѣланная изъ оконной тюлевой гардины, подбитой краснымъ кумачемъ. Да еще черное пѣтушиное перо въ карманѣ. Обыкновенныя роли, значить, такъ и играла въ черномъ платьѣ. И вчера, и сегодня, и завтра, и послѣзавтра. Какъ какой-нибудь балъ, или великосвѣтскую изображать—сейчасъ это поверхъ платья занавѣску свою и одѣла. Ну а если ужъ—герцогиня, княгиня,

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

„Пѣснь любви и смерти“. В. Буренина. Декорація III акта. Рис. г. Кайсарова.

сейчасъ перо изъ кармана въ волосы. Герцогиня готова. И публика ходила. Любила актеровъ. А играли-то какъ!

— Надежда Вароолюмовна на сцену!

Черезъ пять минутъ ужъ не было милой собесѣдницы. Со сцены грозно и властно говорила жестокая Кабаниха. Трудно было повѣрить, что это говорили 70 лѣтъ. Почти прожитая жизнь. И грустно было отъ сознанія, что это прекрасное, прошлое уходитъ...

Какой свѣжей въ этотъ юбилейный день казалась «Гроза»! Какой благодатной.

Эм. Бескинъ.

Бесѣды о театрѣ.

III.

Актеръ и авторъ...

Два исконные врага. А другъ безъ друга обойтись не могутъ. И не скажешь вѣстѣ съ Пушкинымъ:

Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.

Не скажешь потому, что на трепетную лань бываетъ похожъ развѣ только начинающій авторъ. И даже не «бываетъ», а «бывалъ». Прежній авторъ дѣйствительно потрухивалъ не только передъ актеромъ, но и передъ суфлеромъ и передъ сценаріемъ. Нынѣшняго не очень-то запугаешь. Нынѣшній себѣ пѣну знаетъ (по своей же расцѣпкѣ) и въ обиду себя не дастъ. Скорѣе, какъ Китъ Китычъ, самъ всякаго обидитъ.

Актеръ—человѣкъ тоже не робкаго десятка. «Артистъ гордъ», говоритъ Шмага (а не Аркашка Счастливецъ, какъ гдѣ-то недавно ошибочно было упомянуто). Если ужъ держаться пушкинской метафоры, то автора и актера скорѣе слѣдовало-бы уподобить двумъ коренникамъ, запряженнымъ парой въ дышло. И въ томъ, что каждый изъ нихъ смотритъ на себя, исключительно какъ на коренника, и

надлежитъ, мнѣ кажется, искать разгадки традиціонно-профессіональной вражды, прикрываемой личиною взаимнаго тяготѣнія.

Доказывать, что эта вражда дѣйствительно существуетъ, я думаю, нѣтъ надобности. Она на виду у всѣхъ, кто хоть мало-мальски прикасается къ театру. Главная же бѣда въ томъ, что «гордъ» не только актеръ, но и авторъ. И не въ самой гордости суть, а въ ея нетерпимости. Каждый убѣжденъ, что онъ одинъ только имѣетъ право быть гордымъ, ибо другой ничего безъ него п дѣлать не можетъ. Вотъ это «ибо» все и портитъ, ибо оно вовсе не ибо. Первое положеніе отнюдь не слѣдуетъ изъ второго. Станемъ, напримѣръ, на точку зрѣнія актера. Насколько вѣрно второе положеніе, т. е. что авторъ безъ актера обойтись не можетъ, настолько же невѣрно первое, т. е. что актеръ одинъ только имѣетъ право быть гордымъ. То же самое и съ авторской точки зрѣнія.

Ни актеръ ни авторъ, конечно, не думаютъ, что каждый изъ нихъ можетъ обойтись безъ другого. Но такъ какъ и актеръ и авторъ обыкновенно смотрятъ другъ на друга сверху внизъ, то каждый и воображаетъ, либо старается вообразить, что мало-ли, молъ, безъ чего нельзя обойтись, а суть-то все-таки въ немъ самомъ. Актеръ въ авторѣ нуждается, да, но такъ же, какъ въ суфлерѣ, парикмахерѣ и прочихъ, готовыхъ къ его услугамъ, лицахъ. И авторъ въ свою очередь пуждается въ актерѣ, дѣло ясное, но онъ нуждается и въ режиссерѣ, и въ декораторѣ, и въ прочихъ исполнителяхъ его творческихъ предначертаній.

И вотъ начинается состязаніе «гордостей».

Актеръ, считающій себя средоточіемъ сценическаго представленія, снисходитъ къ автору въ той степени, въ какой тотъ сумѣлъ угодить ему ролью, т. е. (съ актерской точки зрѣнія) матеріаломъ для игры. Авторъ, считающій себя такимъ же средоточіемъ, въ свою очередь терпитъ актера въ мѣрѣ соотвѣтствія послѣдняго (по силамъ и усердію) его, автора, замысламъ. И ни одному не хочется признаваться, что безъ другого онъ ничто. Такъ-таки полное, безнадежное ничто. Круглый нуль. И актеръ и авторъ одинаково.

Предвижу возраженіе со стороны моихъ коллегъ. Актеръ

безъ автора, скажутъ они, дѣйствительно ничего не значить. Какъ ни хороши, напримѣръ, рояль, но, пока на немъ никто не играетъ, онъ такая же мебель, какъ столъ, диванъ, кресло. Иное дѣло авторъ съ его пьесой. Нѣтъ необходимости смотрѣть и слушать пьесу непремѣнно въ сценической обстановкѣ, ибо она произведение не только сценическое, но и литературное. Таковымъ по крайней мѣрѣ она должна быть. Стало быть на худой конецъ авторъ можетъ обойтись и безъ актера. Кто интересуется, взялъ пьесу и прочиталъ. Либо самъ авторъ набралъ любителей, усадилъ за столъ, сунулъ каждому по экземпляру — и пьеса, если не разыгрывается, то прочитывается, какъ по нотамъ.

Разсужденіе не выдуманное. Неоднократно приходилось мнѣ его слышать, да — что грѣха таить! — и самому въ молодые годы высказывать. Много въ этомъ разсужденіи наивности, но еще больше фарисейства. Того самаго фарисейства, которое привело крыловскую лису къ заключенію, что виноградъ-бы и ничего себѣ, да «зеленъ».

Прежде всего, гдѣ онѣ, эти литературныя пьесы? «Горе отъ ума», «Ревизоръ». А дальше? Ну, скажемъ, пьесы Тургенева, Сухово-Кобылина, кое-что изъ Островскаго... да, пожалуй, и все. Признавая литературность Островскаго кое-въ чемъ, а не въ цѣломъ, я вовсе не посягаю на его значеніе, какъ драматурга, да и вообще не пытаюсь возвысить литературу насчетъ сцены. Я хочу только сказать, что, какъ опредѣлялъ Горбуновъ разницу между ядромъ и бомбой, литература — «особь статья», а сцена — «особь статья». Каждый свое. Да и не легкое это дѣло — совѣстить въ одномъ произведеніи и литературность и сценичность. Ибо и Грибоедовы и Гоголи, не говоря ужъ о Шекспирахъ, появляются на подобіе кометъ, въ кои-то вѣки.

Пишутъ и ставятъ на сценѣ пьесы и настоящіе литераторы, и просто люди въ большей или меньшей степени грамотные. Ни тѣ, ни другіе, конечно, о литературности пьесы не думаютъ. Первое мѣсто въ ихъ мысляхъ занимаетъ сценичность, и создаваемые ими образы или образы сами собой воплощаются сначала въ будущихъ исполнительницъ — въ Савину, Комиссаржевскую или Мионову (place aux dames!), — а потомъ и въ будущихъ исполнителей, смотря по ролямъ и по театру. Но литераторъ органически не можетъ писать не литературно. И оттого пьесу, написанную литераторомъ, можно иногда не безъ удовольствія и прочитать. Что же касается людей просто грамотныхъ, то какая ужъ тамъ литература! Были-бы довольны «она, божественная», или «онъ, несравненный»: въ этомъ вся тайна успѣха.

А на такомъ вздорномъ доводѣ, какъ возможность чтенія пьесъ про себя или слушанія ихъ на эстрадѣ, въ исполне-

ніи любителей, разумѣется, и останавливаться не стоитъ. Пьесы пишутся не для читателя, а для слушателя и зрителя, и не столько для перваго, сколько для втораго. Доказательство — эпидемія кинематографовъ, гдѣ публика состоитъ исключительно изъ зрителей.

Жаловался мнѣ какъ-то пріятель-авторъ на одну покойную актрису. Сижу, говоритъ, я на репетиціи, въ партерѣ, и отмѣчаю въ записной книжкѣ, что кому сказать надо. Послѣ акта подхожу между прочимъ къ такой-то. Она мнѣ и слово вымолвить не дала. — «Охъ, ужъ мнѣ эти авторы съ книжками!» — Повернулась передъ носомъ и ушла.

Съ другой стороны пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ, какъ авторъ, теперь уже маститый и видимо положившій перо на покой, тоже съ репетиціи ворвался въ режиссерскую Александринскаго театра и накинулся на кого-то съ жалобой:

— Что-жъ это, помилуйте, не хотятъ покупать клеенку для паркета! А у меня на этомъ цѣлая сцена построена. Тогда я снимаю пьесу.

«Цѣлая сцена», однако, заключалась въ томъ, что герония, попавшая изъ лагуны въ хоромы, поскользнулась на паркетѣ и говоритъ: «Я по вашимъ паркетамъ и ходить-то не умѣю».

Покойная актриса, конечно, ни за что ни про что обидѣла «автора съ книжкой»: простая вѣжливость требовала, чтобы она по крайней мѣрѣ его выслушала. Но развѣ авторъ, требовавшій клеенки для паркета подъ угрозой снятія пьесы, — поступилъ лучше? Если актриса обнаружила обычную въ актрисахъ и актерахъ избалованность, въ связи съ нѣкоторой личной невоспитанностью, — то маститый авторъ несомнѣнно проявилъ излишество самолюбія, вообще присущее авторамъ въ обратной пропорціи къ ихъ дарованію. Островскій, при инсценированіи своихъ пьесъ, едва-ли когда-нибудь ставилъ столь рѣшительный вопросъ о той или иной подробности въ родѣ паркетной клеенки.

Товарищи-авторы и товарищи-актеры! Не возмечивайте себя одни насчетъ другихъ. Забудьте, что вы коренники, каковыми въ сущности вы никогда не были и не будете, а считайте себя, каждая сторона, составною частью нераздѣльной пары, — и тогда все пойдетъ хорошо. Ваша художественно-творческая упряжь — не посягайте за реальность метафоры — не оглобли, а дышло.

Вл. Лихачовъ.

10-лѣтіе кохчихы А. Т. Контскаго.

(Изъ воспоминаній).

21 ноября текущаго года исполняется десятилѣтіе со дня смерти знаменитаго въ свое время пианиста и композитора, автора популярныхъ пьесъ: «Патруль вокругъ лагеря» и «Пробужденіе льва», Антона Григорьевича Контскаго.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Контскій былъ въ Перми, возвращаясь изъ своего концертнаго турнѣ по Австраліи, Америкѣ и Сибири, и далъ въ ней два концерта, привлечшихъ массу публики. Тамъ я и познакомился съ покойнымъ маститымъ музыкантомъ.

Контскому было 82 года, но на видъ ему можно было дать самое большое лѣтъ 65 — столько было въ немъ еще бодрости, такъ тверда и увѣрена была его поступь. Средняго роста, съ рѣзко очерченнымъ профилемъ, небольшой бородкой клинужкомъ, съ живыми, умными, пронизательными, нѣсколько сурово-глядящими глазами, съдой какъ лунь, А. Г. останавливалъ на себѣ невольное вниманіе окружающихъ и, прежде всего, производилъ впечатлѣніе сильнаго, неуклонно настойчиваго человѣка; отъ него вѣяло какою-то скрытою и испытанною мощью. Помню Контскаго тѣмъ болѣе ясно, что у меня сохранились даже записи о моей встрѣчѣ съ нимъ.

На 83-мъ году жизни Контскій совершалъ уже пятое и на этотъ разъ, увы, послѣднее кругосвѣтное концертное путешествіе. Въ бесѣдѣ онъ сильно оживлялся, и рѣчь его была полна оригинальныхъ и образныхъ выраженій, которая онъ, правда, подбиралъ, не сразу находилъ, — не вполне свободно владея русскимъ языкомъ. Контскій возвращался съ женою, женщиною сравнительно не старою и цвѣтущаго здоровья. Ей совсѣмъ трудно было говорить по-русски, но, въ интересахъ

„Милые люди“. В. А. Тихонова.

Буйносова (г-жа Холмская) и Крапчикъ (г. Бартеневъ).
Рис. М. Слѣпая.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУР.-ХУДОЖЕСТВ. ОБЩЕСТВА.

Ристори въ роли Медеи.
(Съ фотографіи 60-хъ годовъ).
Изъ старыхъ театральныхъ альбомовъ.

дѣла, она очень усердно занималась русскимъ языкомъ, писала, переводила, вела всю дѣловую переписку. О своемъ знаменитомъ мужѣ она говорила съ увлеченіемъ, рассказывая почитателямъ его многое о его жизни, работѣ.

Съ вполне понятнымъ, особеннымъ вниманіемъ я слушалъ рассказы Контскаго о самыхъ раннихъ воспоминаніяхъ его, связанныхъ съ именами великихъ музыкальных дѣятелей еще первой четверти XIX столѣтія.

— О, я помню себя отлично съ четырехлѣтняго возраста, — говорилъ онъ мнѣ. Помню, какъ сейчасъ, благотворительный концертъ, на которомъ я впервые выступилъ публично. Это было въ Харьковѣ, мнѣ было 4½ года. Для меня спеціально сочинили пьесу, такъ какъ у меня были слишкомъ маленькія руки. Мнѣ много аплодировали, обо мнѣ всѣ стали спрашивать и совѣтовали учиться и учиться. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1824 г., меня повезли въ Вѣну, гдѣ я былъ представленъ Бетховену. Знаменитый маэстро предложилъ мнѣ что-нибудь сыграть. Я сѣлъ за инструментъ. Бетховенъ былъ уже глухъ, и я видѣлъ, какъ онъ надѣлъ на голову что-то вроде картуза, отъ котораго шли двѣ трубки къ ушамъ. Только съ помощью этихъ трубокъ Бетховенъ могъ слышать, а обычно съ нимъ надо было переговариваться только записками, что причиняло ему ужасныя страданія.

Я сыгралъ. Бетховенъ похвалилъ меня и велѣлъ придти къ нему. Я, между прочимъ, видѣлъ, какъ Бетховенъ писалъ свою послѣднюю, 10-ую, сонату. Я пробылъ съ моимъ великимъ учителемъ цѣлый годъ и ходилъ къ нему на уроки три раза въ недѣлю. Онъ неоднократно игралъ мнѣ свои вещи. Затѣмъ Бетховенъ ввелъ меня въ знаменитое, имъ учрежденное общество „Soa“ (по-гречески), гдѣ собирались самые выдающіеся музыканты. Оттуда, могу сказать, пошла и моя слава. Потомъ я уѣхалъ изъ Вѣны въ Варшаву. По дорогѣ въ Мембергъ я познакомился съ сыномъ Моцарта, чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ губернаторѣ, и онъ цѣлый мѣсяцъ показывалъ мнѣ, какъ играетъ его отецъ: Моцартъ—сынъ былъ тоже превосходный пианистъ.

Затѣмъ—въ Варшавѣ. Мой отецъ былъ директоромъ варшавскаго лицея, а отецъ Шопена былъ тамъ же преподавателемъ французскаго языка. Тамъ же учился и самъ Шопень, и мы были съ нимъ товарищи, хотя онъ былъ старше меня.

И въ послѣдующей жизни мы были съ нимъ близки, очень долго, до самой его смерти, въ Парижѣ.

Рассказывая о Бетховенѣ, Контскій упомянулъ объ одномъ эпизодѣ изъ жизни великаго композитора. Хотя эпизодъ этотъ довольно извѣстенъ, но интересъ въ томъ, что именно Контскій фигурируетъ въ немъ въ качествѣ дѣйствующаго лица.

Однажды во время урока А. Г. у Бетховена, въ квартиру послѣдняго явился какой-то господинъ. Слуга подаетъ хозяину карточку: „Владѣлецъ земли Бетховенъ“ (по-русски просто „помѣщикъ“). Это былъ братъ Бетховена, откормившійся невѣжественный буржуй, котораго великій маэстро не любилъ.

— Но, вотъ. пожалуйста, передай ему, чтобъ понялъ, — обратился Бетховенъ къ своему маленькому ученику Контскому, вручивъ ему карточку, на которой за минуту передъ тѣмъ написалъ: „Владѣлецъ мозговъ Бетховенъ“.

Такъ Бетховенъ и не принялъ своего брата.

А вотъ еще изъ рассказаннаго мнѣ покойнымъ Контскимъ, служащее яркою характеристикой нѣкоторыхъ великихъ композиторовъ.

— Въ 1836 г., — началъ онъ, въ Парижѣ были приглашены барономъ Ротшильдомъ, по случаю дня рожденія его жены, Тальбергъ, Россини, Листъ, Шопень и я. Гостямъ былъ предложенъ, разумѣется, роскошный обѣдъ, послѣ котораго хозяинъ пригласилъ насъ въ кабинетъ, куда были поданы кофе и сигары. Черезъ нѣкоторое время входитъ къ намъ баронесса и говоритъ:

— Вамъ здѣсь хорошо, господа, а дамы тамъ, въ залѣ, скучаютъ.

Мы пошли въ залу. Баронесса попросила насъ играть. Тальбергъ сыгралъ свою чудесную фантазію „Moïse“, я игралъ фантазію Мейерберга изъ „Робертъ-Дьяволъ“ и т. д. Шопень не игралъ и на просьбу баронессы отвѣтилъ:

— Madame, я такъ мало ѣлъ, что не могу играть...

Всѣ расхохотались. Бѣдный Шопень переѣлъ...

Листъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, и баронесса шопотомъ прибавила:

— Я хотѣла просить и Листа, но я знаю, онъ сдѣлаетъ такую фizioномію... Папа Россини (такъ всѣ называли его), не поппосите-ли вы его?

— О, съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ тотъ. — Я сдѣлаю такъ, что онъ будетъ играть...

— Добродушный толстякъ Россини, — замѣтилъ Контскій, — не долюблялъ Листа, очень завистливаго и не выносившаго чужихъ успѣховъ.

— Листъ! Листъ! Иди-ка сюда, другъ мой! — подозвалъ его Россини. — Вотъ баронесса хочетъ просить тебя сыграть что-нибудь... но я знаю, ты не совсѣмъ расположенъ...

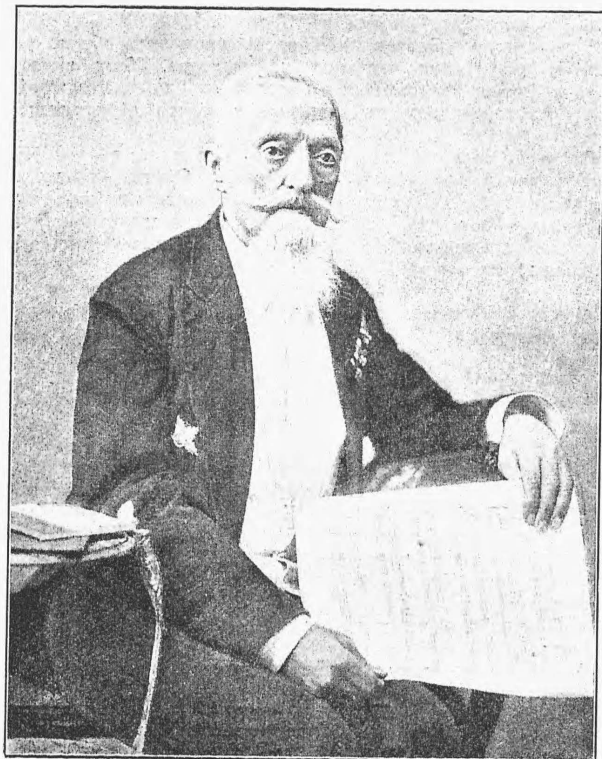
— Да, я не приготовился, — съ обычной важностью отвѣтилъ Листъ.

— Ну, такъ я тебѣ помогу... Знаешь что: сыграй намъ вотъ ту чудесную импровизацію, что ты игралъ у графини

Рашель въ роли „Камиллы“. (Гравюра).
Изъ старыхъ театральныхъ альбомовъ.

З а м ѣ т к и.

А. Г. Контскій.

(Къ 10-лѣтію со дня смерти).

Аппоньи (жены италіанскаго посланника)... а потомъ другую— у графини Агвадо... Наконецъ, ту самую импровизацію, что ты всегда и вездѣ „вдругъ“ играешь...

Листъ былъ страшно взбѣшенъ этою язвительною выходкою „папы Россини“... Онъ мгновенно сѣлъ за рояль и заигралъ съ такою яростью, что сломалъ нѣсколько клавишей... Но это была дивная игра! Великій музыкантъ привелъ насъ всѣхъ въ восторгъ...

— Листъ,—пояснилъ мнѣ А. Г.,—всегда ломался въ подобныхъ случаяхъ: „Я не готовъ... но я, mesdames, что-нибудь сымпровизирую“... Ну, Россини и задалъ ему „импровизацію“...

Данныхъ Контскимъ два концерта въ Перми, въ залѣ Благороднаго Собранія, были переполнены публикой и составили рѣдкій праздникъ въ эстетической жизни мѣстнаго общества, кстати, очень любящаго музыку. Пермь, славится, говоря театральнымъ жаргономъ, какъ „оперный городъ“. Лично я никогда не забуду тогдашней игры Контскаго, котораго точно сейчасъ вижу. Феноменальная бодрость духа и тѣла глубокаго старца особенно ярко проявлялась за инструментомъ: сѣвъ за рояль, Контскій какъ-то угрожающе сильно, словно облекшись въ стальные доспѣхи и мощно вытянувъ руки, принялся за игру... И намекъ на стараго человѣка не было въ этой чудесной, полной жизни и огня игрѣ. Это было огромное, незабываемое наслажденіе...

О силѣ и бодрости Контскаго можно было судить по его разсказу объ этомъ послѣднемъ, какъ сказано выше, пятномъ кругосвѣтномъ турнѣ.

— Мы ѣхали,—говоритъ онъ,—изъ Иркутска въ Тулунъ девять дней на лошадахъ, правда, въ большемъ и удобномъ тарантасѣ, который любезно подарилъ намъ генералъ Духовской. Это была такая томительная дорога, что за время ея я сочинилъ цѣлую симфонію для оркестра... я собираюсь написать ее...

— О, симфонія!—перебила его съ видимо нахлынувшимъ раздраженіемъ жена его. Что симфонія! Я-бы сочинила проклятіе, сто проклятіи!..

— Ну, мамаша, ты нетерпѣлива, другъ мой,—разсмѣялся А. Г.—А потомъ вотъ что, мамаша: ты вотъ рассказываешь обо мнѣ и все пугаешь, потому что ты... ужасный старикъ!.. У тебя уже памяти нѣтъ, ха-ха-ха!

Контскій расхохотался своей шуткѣ, конечно, надъ самимъ собою.

Про свою силу въ игрѣ онъ любилъ говорить:

— Мнѣ 82 года, а когда я сажусь за инструментъ, то дѣлаю такъ: два ставлю напередъ, а восемь назадъ, ха-ха!..

А. Кричевскій.

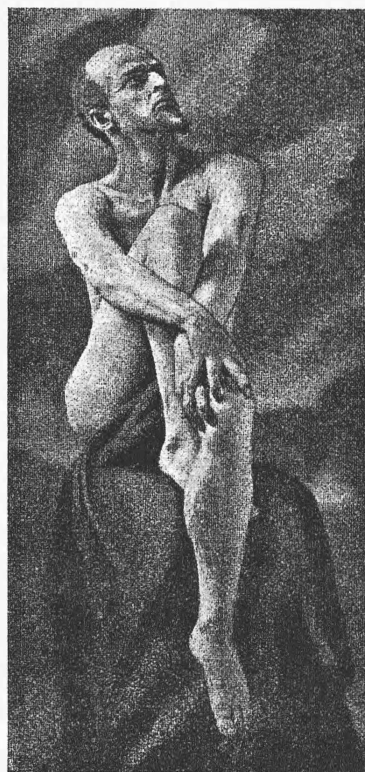
Одинъ старый писатель разсказывалъ мнѣ какъ-то про покойнаго романиста Г. П. Данилевскаго, автора въ свое время весьма популярнаго и извѣстнаго, что онъ до самой смерти терзался однимъ и тѣмъ же вопросомъ:

— Почему меня критика не опредѣляетъ? Почему на мѣсто не поставила? Вотъ все жду, а никакого опредѣленія отъ критики не получаю...

Такъ и умеръ, не дождавшись «опредѣленія», подобно тому, какъ иной сверхштатный статскій совѣтникъ, ожидающій штатнаго мѣста, до конца дней значится «причисленнымъ къ министерству». Въ этомъ алканіи «опредѣленія» раскрывается въ извѣстной мѣрѣ вся натура російскаго обывателя, который никакъ не можетъ жить, не получивъ точнаго паспорта, такъ сказать, официальной «инвеституры» своего бытія. Мужичекъ ждетъ «предѣленія», и отъ мужичка до самого верха одно и то же стремленіе къ «опредѣленію» и «узаконенію». Тутъ характерно вѣдь то, что Данилевскій терзался не замалчиваніемъ или пренебреженіемъ, или суровостью и несправедливостью критики, а вотъ именно отсутствіемъ «опредѣленія». Нѣтъ «опредѣленія» свѣше, т. е. со стороны критики, и онъ не знаетъ, кто онъ, что онъ, зачѣмъ поставленъ и что, въ сущности, дѣлаетъ. Да существуетъ ли онъ? «Можетъ быть, мнѣ только кажется, что я существую», какъ говоритъ Чебутыкинъ.

Я думаю, что эта черта русской жизни проистекаетъ изъ тѣхъ же причинъ и особенностей, которая породила рыхлую общественность, не способную къ самоуправленію, и склонность къ анархическимъ порывамъ, другимъ концомъ создавшую внутреннюю необходимость «сильной власти». Но,

ТЕАТРЪ „БЕРГОНЬЕ“ ВЪ КІЕВѢ.

„Сатана“ Я. Гордина.

Сатана—В. А. Блюменталь-Тамаринъ.

КАЗАНЬ. ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ.

„Тристанъ и Изольда“.

(Первая постановка оперы на провинціальной сценѣ. Дирекція г. Севастьянова).

впрочемъ, это политика, а политикой мы не занимаемся. Я хотѣлъ только сказать, что и въ литературной республикѣ, и въ вольныхъ городахъ искусства, мы наблюдаемъ тѣ же явленія и тѣ же крайности: буйствующій анархизмъ, а еще чаще, просто безпринципную распушенность или же жестокую, мертвящую власть авторитета. И такъ порой горько становится отъ распушенности, безпринципности и беспорядочности, что, подобно Данилевскому, страдавшему отъ отсутствія критическаго паспорта, иной разъ, не будучи ни въ какой мѣрѣ поклонникомъ «сильной власти» критическихъ генералъ-губернаторовъ, жалѣешь, что ихъ нѣтъ, что они вымерли, и должность ихъ осталась вакантною. У Тургенева въ «Дымѣ» очень ядовито обрисованъ Губаревъ, который даже не говорилъ, а только мычалъ, закусывая клочъ бороды, и тѣмъ не менѣе сумѣлъ внушить необычайный трепетъ къ своей особѣ. Но когда подумаешь, что вокругъ Губарева были Ворошиловы, Биндасовы, Бамбаевы и прочая «бродячая Русь», то, въ сущности, не знаешь, что лучше: чтобы мычащій Губаревъ поддерживалъ хотя какой-нибудь авторитетъ и утверждалъ хотя нѣкоторое подобіе единства и идейнаго централизма своимъ мычаніемъ или же, чтобы Губарева совсѣмъ не было, и чтобы «бродячая Русь» дошла до вавилонскаго столпотворенія. Все-таки гомонъ птичьяго двора, умолкающій отъ мычанья Губарева, какъ будто лучше...

Сейчасъ нѣтъ не только признанныхъ руководителей, какъ Михайловскій или Салтыковъ, который про одного, нынѣ здравствующаго, беллетриста мѣтко выразился: «не онъ столь хорошо пишетъ, сколь мы его хорошо печатаемъ»,—а даже кружковщины настоящей нѣтъ. Кружковщина это исповѣданіе извѣстныхъ принциповъ, маленькая церковка, община. Нынѣ же, вмѣсто кружковщины, дѣйствуютъ просто кружки, въ которыхъ состоятъ больше по

личному знакомству и изъ взаимнаго угожденія. «Компанія не велька, але бардзо слична», какъ говорятъ поляки... И на посты, на должности «опредѣляетъ», собственно, не критическій авторитетъ кружковщины, а, такъ сказать, внутренній домашній распорядокъ.

Вотъ, напримѣръ, предо мною лежатъ двѣ книжки новаго художественнаго журнала «Аполлонъ». Вступительное слово отъ редакціи мнѣ очень понравилось—честное, хорошее слово... Оно говоритъ объ «устремленіяхъ всѣхъ искреннихъ и сильныхъ» и предвѣщаетъ, что въ журналѣ «будутъ споры, будутъ самыя противорѣчивыя рѣшенія», ибо «ликъ грядущаго Аполлона нельзя увидѣть». Чего, казалось бы, лучше? А вотъ прочиталъ я книжки, и пришелъ въ уныніе. Точно, разногласица есть. Но въѣдъ разногласица, собственно, относительное достоинство. Хороша разногласица людей талантливыхъ, компетентныхъ, понимающихъ и, наконецъ, умѣющихъ писать. А вообще, если кто въ лѣсъ, кто по дрова,—что же тутъ плѣнительнаго?

Насъ, конечно, больше всего интересуетъ театръ. О театрѣ въ первой книжкѣ имѣется небольшая статейка г. Мейерхольда, статья Вяч. Иванова и рецензія г. Ауслендера. Философъ кружка г. Вяч. Ивановъ пишетъ о «Проблемѣ театра»—пишетъ то, что писалъ уже не однажды, и о чемъ мы достаточно слышаны. Точка зрѣнія г. Вяч. Иванова, можетъ быть, и очень философская—не беремся судить, такъ какъ мы не философы—но въ высшей степени дилетантская. Для насъ, людей театра,—по выраженію Бѣлинскаго, живущихъ и умирающихъ въ театрѣ,—нѣтъ ничего несноснѣе такого дилетантства. Мы «театральны» прежде всего т. е. исходимъ отъ формъ существующаго искусства, и если говоримъ или мечтаемъ о будущемъ театра, объ его прогрессѣ, то представляемъ себѣ это въ формѣ органическаго развитія существую-

шаго. Мы эволюционны, потому что опираемся на действительность. Наоборотъ, дилетанты, какъ бы ни были «философичны», и быть можетъ, именно потому, что философичны, всегда утопичны, скачутъ въ странствѣ, и всѣ ихъ разсужденія представляютъ опытъ бесплодныхъ метафизическихъ мудрствованій надъ живымъ тѣломъ театра. Я не говорю уже о томъ, что статья г. Вяч. Иванова неудобочитаема и неудобопонимаема, съ ея «психической энергіей», которая «не созерцательно экстериоризируется по присутствующимъ къ центру, но изъ центра налагательно (?) излучается въ личныя сознанія». Въ концѣ-концовъ, чѣмъ туманнѣе, тѣмъ философичнѣе. Бесплодность театральной смковницы, подъ сѣнь которой пытается увлечь насъ нашъ философъ, вызывается неизбежно тѣмъ, что г. Вяч. Ивановъ непремѣнно желаетъ, по образцу эллинскихъ мистерій, слить «театральный коллективъ въ хоровое сознаніе и дѣйствіе» и сравнить

„НЕВСКІИ ФАРСЪ“.

„Абсолютный нуль“.

Маринетта (г-жа Балле), Буларъ (г. Смоляковъ).

Рис. А. Любимова.

сцену и художника сцены съ зрителемъ. Театральный человѣкъ такого чудачества никогда-бы не могъ придумать, и зародиться эта курьезная мечта могла только въ тиши кабинета, совершенно отрѣзаннаго отъ театра.

Для театрального человѣка совершенно ясно, что вся техника современнаго театра и все его очарованіе именно въ томъ и состоятъ, что театръ отдѣлился отъ радѣній и мистерій и сталъ самостоятельнымъ искусствомъ, и если даже возможенъ обратный ходъ вещей, то крайне медленно, и конечно, не черезъ голову реальныхъ условій театра, а только вмѣстѣ съ ними, вмѣстѣ съ измѣненіемъ техники, принциповъ и навыковъ самаго искусства. Но г. Вяч. Иванову, мудрствующему у себя въ кабинетѣ, это, конечно, все равно.

Всего забавнѣе, что рядомъ со статьею г. Вяч. Иванова, который приглашаетъ театръ сдѣлать этакий воздушный скачекъ въ 2000—3000 лѣтъ протяженіемъ (на бумагѣ это выходитъ просто, какъ «здравствуйте»), напечатана статейка г. Мейерхольда, который, перепробовавъ всѣ виды модернизма,

настроенъ совершенно на новый ладъ. Вы только послушайте, что онъ говоритъ:

«Есть-ли что нибудь въ современномъ русскомъ театрѣ самобытнаго? Нѣтъ. Онъ весь сотканъ изъ заимствованій. И этотъ интернационализмъ вовсе не есть приобщеніе къ европейской драматургіи, вовсе не устремленіе къ всечеловѣчеству. Это интернационализмъ котелка, попадающаго на головы людей всего земного шара. Носятъ всѣ, носимъ и мы. Но на головахъ, съ еще не стертыми національно бытовыми чертами, на типической русской головѣ все-таки противенъ котлококъ. Такъ противны всѣ эти русскія драмы подъ Ибсена, Пшибышевскаго, Метерлинка».

Насколько я могу понять, послѣ этого г. Мейерхольду остается только пасть къ ногамъ Островскаго. Можно было-бы изумиться сложному и мучительному процессу, который пережилъ г. Мейерхольдъ за столь короткій промежутокъ времени, если-бы, вообще, г. Мейерхольдъ, по надобности, не выпускалъ свои мысли, какъ сокола, то изъ праваго, то изъ лѣваго рукава...

И вотъ, сообразите всю дистанцію, вмѣщаемую журналомъ въ вопросахъ театра: отъ «налагательно излучаемыхъ» элевзинскихъ радѣній г. Вяч. Иванова до бытовыхъ вздыханій—каковъ шалунъ!—г. Мейерхольда!.. Вотъ и г. Ауслендеръ не знаетъ, «какія слова умиленія, восторга найти», слушающа «На всякаго мудреца» Островскаго. Это—г. Ауслендеръ-то? Онъ самый! Это въ «Аполлонѣ»-то? Въ немъ самомъ! И это ученики и поклонники «налагательно излучающаго» Вяч. Иванова? Вообразите!

Эти неожиданные любители и поклонники Островскаго, пишутъ въ томъ самомъ журналѣ, которому г. Бенуа предпосылаетъ статейку «Въ ожиданіи гимна Аполлону», гдѣ говоритъ, что де «близится богъ, и уже стонетъ земля, извергая покойниковъ, и уже поднялись всюду лжепророки и звѣри, чтобы начать рѣшительную борьбу». Нѣчто изъ апокалипсиса, какъ видите, а въ то же время «нѣтъ словъ для умиленія» предъ Островскимъ... Мейерхольдъ, поднимающій стягъ національнаго искусства, т. е. быта, и г. Ин. Анненскій, который начинаетъ свою статью «О современномъ лиризмѣ» такъ: «Жасминовые тирсы нашихъ первыхъ мэнэдъ примахались быстро», «отошли и иноземные уставщики оргій», хотя «три люстра едва прошло съ перваго московскаго игрища». «Маврикій (sic!) Метерлинкъ обзавелся собственной Монной-Ванной», и «не вернуть уже намъ его нѣжныхъ лирныхъ касаній». Такъ, потно и безвкусно коверкая русскій языкъ, г. Анненскій собирается учить поэтовъ и разъяснять поэзію. Вообще, языкъ, которымъ пишутъ въ «Аполлонѣ», дубовый, тяжелый, а подчасъ и звучитъ не по русски. Талантливый разсказъ г. Дымова «Власъ» пестритъ неправильными выраженіями, погрѣшностями. Вотъ ужъ именно обратно приведенному выше замѣчанію Салтыкова, «не столь хорошо его печатаютъ» сколько того заслуживаетъ. «Печатаютъ» прямо скверно, безъ малѣйшаго касательства редакторскаго авторитета и «уставщика» со вкусомъ и чутьемъ.

Я остановился на «Аполлонѣ», заслуживающемъ по своимъ прекраснымъ задачамъ и цѣлямъ всяческаго процвѣтанія, для подтвержденія моей мысли о томъ, что немаловажное зло нашей художественной жизни—отсутствіе авторитета. Въ концѣ концовъ, по нашей немоши, мы авторитетами, аки шестами, подпираемся... О, конечно, я отлично понимаю, что самое высшее человѣческое существо есть Uebermensch, и самая высшая гениальность есть въ тоже время безграничная свобода. Я знаю, что «орлы вьютъ гнѣзда на недоступныхъ вер-

шинахъ)... Кто этого не знаетъ? Но вѣдь я говорю не о тѣхъ талантахъ—писателяхъ, художникахъ, актерахъ—которые сами зачинаютъ направленія въ искусствѣ, а о массѣ рядовыхъ работниковъ, соединенными силами двигающихъ искусство. И для нихъ «безпамятность», отсутствіе «опредѣленія»—серьезное зло. Получается что-то студенистое, безформенное, аляповатое. Водворяется не кружковщина, у которой есть фанатизмъ собственнаго своего вѣрученія, а протекціонизмъ, околачиваніе пороговъ на разныхъ пятницахъ, середкахъ, понедѣльникахъ и иныхъ литературныхъ журфиксахъ, гдѣ можно, усердно расшаркиваясь, ногами вышаркать себѣ должность по художественной части. И вы посмотрите, какъ портятся, благодаря исчезновенію авторитетовъ, не только вкусъ, творчество, а и нравы, правила поведенія. Ибо общая высота поведенія опредѣляется, конечно, не количествомъ анти-этическихъ фактовъ, но глубокимъ принципиальнымъ различіемъ между тѣмъ, что допускается этикою среды, и тѣмъ, что отвергается. И сейчасъ, можно сказать съ полнымъ основаніемъ, смѣшались шашки, и не знаешь, что можно, чего нельзя. Напримѣръ, безшабашная реклама—она раньше осуждалась, а нынѣ только говорятъ: «ловко!..» И опускайтесь на дно морское, и поднимайтесь на облака—сдѣлайте одолженіе!..

Мнѣ приходилось неоднократно въ бесѣдахъ съ актерами, по поводу обостренныхъ отношеній между печатью и театромъ, выслушивать отъ нихъ весьма нелестныя мнѣнія о нынѣшнемъ литературномъ безвременьѣ,—и каюсь, случалось языкъ прикусывать. На всякій упрекъ, посылаемый актерамъ литературой, получался «отвѣтъ и половина» по адресу литературы. И точно, образцовъ нѣтъ. Или очень мало. Вездѣ разбродъ, анархія... И нѣтъ такихъ, которые бы просто и ясно сказали: «нехорошо!»—и ихъ бы слушали съ покорностью, виновато опустивъ голову.

Нѣтъ, какъ хотите, а невозможно безъ «опредѣленія»!..

Homo novus.

Малехья хрочика.

*** Молоденькая Модъ Алланъ, показывающая сейчасъ у насъ свое искусство, успѣла уже написать цѣлую книгу: «Моя жизнь и мои тачки». Вотъ, что она, между прочимъ, говоритъ: «Сара Бернаръ вдохновила меня выразить мои мысли другимъ образомъ. До этого дня рояль былъ моимъ „медіумомъ“, но когда я играла одна въ нашей гостинной, я почувствовала призывъ другого искусства. Однажды моя мать тихо взошла и сѣла вблизи меня. „О чемъ думаетъ моя маленькая дѣвочка, играя такъ странно?“—„О волшебномъ талантѣ Сары Бернаръ и о чудныхъ движеніяхъ ея тѣла“, отвѣтила я, „она этимъ болѣе выражаетъ, чѣмъ голосомъ“.

*** Харьковское „Утро“ приводитъ текстъ курьезной афиши, присланной изъ Моршанска и напечатанной,—о ироніи судьбы,—въ типографіи Холуянова. Нѣкій актеръ Дмитріевъ-Волынский извѣщаетъ почтеннѣйшую публику о своемъ бенефисѣ. Мелкимъ шрифтомъ напечатано: «Жена двадцатаго вѣка или хищная», и крупнымъ «Черные вороны», пьеса въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе В—го, а въ подзаголовкѣ: «Поруганная честь доброй дѣвушки» или «соціалъ-демократы». Заканчивается афиша. «Ура! Да здравствуетъ свобода!»..

*** Въ Самарѣ въ анонсахъ о бенефисѣ гастролерши С. И. Друзякиной (опера „Заза“) говорится, что „партію шансонетной пѣвицы Заза исполнить бенефициантка, съ громаднымъ успѣхомъ пѣвшая ее въ Миланѣ, въ театрѣ Dal Verme“.

По этому поводу одинъ изъ нашихъ читателей прислалъ намъ слѣдующее поясненіе:

„Заза“ въ Dal Verme не шла, а г-жа Друзякина ни тамъ, ни, вообще, за границей никогда не пѣла“.

Оставляемъ на совѣсти корреспондента его опроверженіе.

*** Берлинскій корреспондентъ „Русск. Муз. Газ.“ крайне неодобрительно отзывался объ оперѣ Альфани, написанной на „Воскресенье“ Толстого:

„Опера безъ увертюры. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не имѣетъ опредѣленнаго мотива. Музыка страшно безсодержательна и пуста. Нѣтъ ни одной арии, гдѣ бы ваше ухо могло уловить что-нибудь цѣльное, красивое. Тутъ вы слышите и „Тоску“ и „Богему“, и много другихъ итальянскихъ мотивовъ. Музыка не выражаетъ ни суровой сибирской природы, ни душевной борьбы, ни страданія. Между сюжетомъ и музыкой связи нѣтъ. Эту музыку можно съ успѣхомъ примѣнить къ любой итальянской мелодрамѣ“.

Да и исполненіе такое же.

„Вообще,—говоритъ корреспондентъ,—я пришелъ къ тому выводу, что нѣмцамъ совершенно недоступно давать русскіе образы. И какъ они ни стараются, у нихъ выходитъ жалкая пародія. Таковъ былъ и „Онѣгинъ“, поставленный здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ“.

Послѣ этого толкуйте о „внѣ-бытовомъ“ искусствѣ!..

*** Намъ доставлена афиша Передвижнаго театра г. Гайдебурова со ст. Красноярскъ, въ которой приводится краткая исторія возникновенія театра.

„Передвижной театръ основанъ П. П. Гайдебуровымъ (сынъ редактора-издателя „Недѣли“ П. А. Гайдебурова) и Н. Ф. Скарской (сестра В. Ф. Коммиссаржевской)“.

Такъ начинается разсказъ съ указанія на происхожденіе ихъ „хорошей фамиліи“.

*** Теперь пошла мода на „Кабарэ“. „И у насъ „Кабарэ“—мелькаетъ то въ одной, то въ другой провинціальной газетѣ. Конечно, и въ Одессѣ есть „Кабарэ“. Но что это за „Кабарэ“, достаточно характеризуетъ слѣдующая фраза на заглавкѣ въ театральномъ отдѣлѣ мѣстныхъ газетъ: „Въ „Кабарэ“ сегодня обѣщаны новыя трюки“.

Театръ „фокусовъ-покусовъ“ было бы правильнѣе назвать..

Малехій фельетокъ.

Портретность на сценѣ.

Полки о портретности дѣйствующихъ лицъ одной изъ новинокъ Александринской сцены освѣжаютъ въ памяти нѣкоторыя историческія воспоминанія. Вопросъ о портретности долженъ разрѣшаться, думается намъ, въ зависимости отъ достоинствъ произведенія въ его цѣломъ. Если оно художественно, то автору можно простить самую смѣлую сатиру. Но если тутъ расчетъ на succès de scandale—тогда, конечно, дѣло другого рода.

Въ смыслѣ портретности—особенно нашумѣлъ въ свое время кн. Шаховской. Въ комедіи „Новый Стернь“, поставленной въ 1805 г., онъ представилъ въ карикатурѣ „чувствительнаго автора“, въ которомъ всѣ увидѣли „явный намекъ на Карамзина“.

Выпадъ противъ популярнаго писателя не прошелъ даромъ.

На Шаховского посыпались „критики, сатиры и эпиграммы“. Говорятъ, его же имѣлъ потомъ въ виду и Пушкинъ въ сатирѣ „Опасный сосѣдъ“. Но черезъ десять лѣтъ Шаховской пишетъ извѣстную комедію „Липецкія воды“, и въ ней выводитъ Жуковского.

Скандалъ былъ тѣмъ болѣе грандіозенъ, что знаменитый поэтъ присутствовалъ на первомъ спектаклѣ и привлекъ къ своей особѣ „нескромные взгляды“. На этотъ разъ общее неодобреніе приняло еще болѣе рѣзкія формы. Эпиграммы посыпались десятками. Въ одной изъ нихъ особенно вѣзко говорилось о томъ, какъ „брюхастый стиходѣй достойнѣйшихъ писателей злословилъ и пасквили писалъ на сочиненія ихъ“.

Несмотря на грубость, шутка была очень популярна.

Въ сороковыхъ годахъ сценическіе портреты-сатиры положительно входятъ въ моду.

Со скандаломъ прошелъ водевилъ П. Каратыгина „Натуральная школа“. Въ этой пьескѣ были осмѣяны представители новыхъ теченій. Сотрудники „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“. Такъ, напримѣръ, Панаевъ, выведенный подъ именемъ „Вихляева“, пѣлъ куплетъ, въ которомъ были такіе строки:

„Мы, мы, натуры прямые поборники—
Геніи заднихъ дворовъ
Наши герои—бродяги да дворники,
Чернь петербургскихъ угловъ!“

Впрочемъ, и представителямъ консервативной печати доставалось отъ драматурговъ. Такъ, въ 1840 г. Фаддѣй Булга-ринъ былъ жестоко продернутъ въ пьесѣ Кони „Петербургскія квартиры“:

„Ползати и кланяться
Важничать, чваниться
Намъ ни почемъ,

Штучками этими
Смотришь персонами
Мы прослываемъ"

пѣлъ аферистъ Присыпочка, поясняя затѣмъ, что особенно помогла ему дружба съ „Задаринынымъ“.

Сорвалъ полный сборъ, играя на интересъ публики къ возможному скандалу, и артистъ Максимовъ, поставившій въ свой бенефисъ—водевиль „Сей и оный“. Водевиль былъ написанъ въ разгаръ борьбы противъ старыхъ рѣченій и всѣ ожидали злыхъ пародій. Но, къ общему разочарованію, шутка оказалась только пошлостью.

Примѣръ Максимова увлекъ режиссера Куликова. Черезъ три недѣли онъ поставилъ специально изготовленныхъ къ его бенефису „Юныхъ романтиковъ“. На этотъ разъ личные намеки уже ни на кого не произвели впечатлѣнія и пьеса была жестоко ошканила.

Сценическаго пасквиля не избѣжалъ и Бѣлинскій. Великій критикъ фигурировалъ въ комедіи „Семейный судъ“ подъ именемъ „Виссаріона Григорьевича Глупинскаго“. Вся пьеса была крайне бездарна.

Упоминаніе о Бѣлинскомъ приводитъ на память другой случай, когда великій критикъ былъ выведенъ на сцену. Общеизвѣстенъ фактъ, что именно его имѣлъ въ виду Тургеневъ, рисуя героя пьесы „Мѣсяцъ въ деревнѣ“—Бѣляева. Самая мысль назвать юношу Бѣляевымъ говорить о томъ,

и вышелъ изъ залы со своими неизмѣнными спутниками. Тутъ нѣкоторые изъ зрителей говорили ему въ слѣдъ:

— Что, любезный? Хорошо попарили? Будетъ съ тебя?

Но увѣ—эта грубая выходка была не самымъ горшимъ преступленіемъ водевиля, который умѣлъ не только казнить, но и жаловать. Съ неменьшимъ восторгомъ повѣствуетъ онъ о поцѣлѣу пресловутаго Ѳаддея Булгарина, которому такимъ же путемъ была сдѣлана самая грубая реклама. Поцѣлуй Булгарина достойно увѣнчалъ наглую выходку пасквилянта.

Н. Домогов.

Письмо изъ Кіева.

Я радъ, что въ своихъ отзывѣхъ о „Драматическомъ театрѣ“ г. Кручинина до сихъ поръ сохранялъ выжидательное положеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ свое послѣднее „письмо“, театръ г. Кручинина поставилъ двѣ пьесы—на мой взглядъ, ясно показывающія въ какомъ направленіи театръ долженъ

работать и совершенствоваться. Пьесы, о которыхъ я говорю: „Пучина“ и „Волки и Овцы“.

Особенно удачнымъ оказалось исполненіе въ театрѣ г. Кручинина „Пучины“. Для роли Кисельникова въ лицѣ г. Блюменталь-Тамарина оказался превосходный исполнитель. Куда дѣвалась обычная невравстичность артиста. Всю роль г. Блюменталь-Тамаринъ проводитъ необыкновенно мягко, осторожно, просто, глубоко трогательно. Даже въ скользкой сценѣ помѣшательства Кисельникова артисту удалось удержаться въ рамкахъ художественной мѣры. И даже послѣдній актъ, — несмотря на весь свой мелодраматизмъ, — благодаря проникновенно-чуткому исполненію г. Блюменталь-Тамарина, произвелъ сильное и глубокое впечатлѣніе.

Общій фонъ пьесы, — та пучина, въ которой гибнетъ молодая жизнь Кисельникова, была воспроизведена, если и безъ особой яркости, то все — же достаточно выразительно и типично. Изъ числа исполнителей считая нужнымъ выделить г-жу Бориславскую, игравшую Анну Устиновну съ неподдѣльной теплотой и искренностью, г. Борисова (Переярковъ) и артиста, скрывшаго свое имя подъ тремя

звѣздочками, создававшего яркую и эффектную фигуру Неизвѣстнаго.

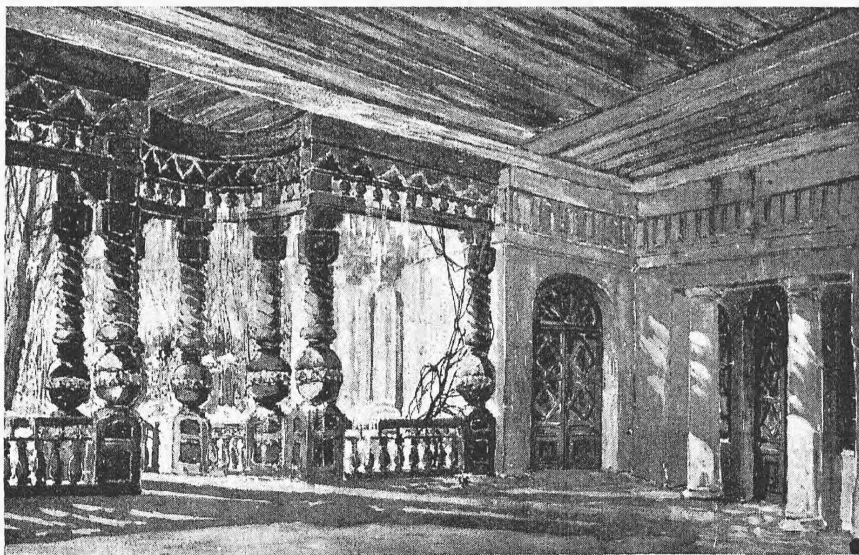
„Волки и Овцы“ прошли не такъ ровно и стройно, какъ „Пучина“. Здѣсь были и слабо очерченныя роли, были и исполнители прямо плохіе (напр. г-жа Ланская—Анфуса Тихоновна).

Но общій тонъ исполненія былъ вѣрный, и отдѣльныя роли нашли интересныя яркія исполнители.

На первомъ мѣстѣ среди нихъ надо поставить г. Блюменталь-Тамарина, великолѣпно играющаго Клавдія Горцакаго.

Чрезвычайно интересный Мурзавецкій г. Мурскій. Краски, которыми артистъ пользуется для созданія этого образа, немного крикливы, рѣзки, пестры. Онъ не всегда логически правильны. Такъ, напримѣръ, совершенно непонятно, какъ такой Мурзавецкій, какимъ его изображаетъ г. Мирскій, могъ увѣрить Миропію Давыдовну въ томъ, что онъ пользуется успѣхомъ у Кулавиной. Но самое исполненіе г. Мурскаго, независимо отъ его толкованія роли, ярко талантливо и остроумно. Г-жа Болотина играетъ роль Кулавиной мягко, скромно, сердечно, г-жа Астрова внѣшне удачно справляется съ ролью Глафиры, но ея Глафира просто кокетливая, практичная молодая особа, ловко охотящаяся за мужемъ, а вѣдь Глафира въ пьесѣ Островскаго—„волкъ“. Кромѣ упомянутыхъ пьесъ, въ театрѣ г. Кручинина была поставлена еще одна пьеса Островскаго, — „Воевода“ (Сонъ на Волгѣ), но этотъ спектакль произвелъ гнетущее впечатлѣніе—до того безвкусна и лубочна была постановка. Исполняла пьесу преимущественно зеленая молодежь. Среди нихъ, конечно, выгодно выделялись опытные, настоящіе актеры.

За исключеніемъ перечисленныхъ пьесъ остальной репертуаръ Кручининскаго театра состоялъ исключительно изъ т. н.

„Холопы“ на сценѣ Одесскаго Городскаго театра.

Декорація послѣдняго акта, работы худож.-декоратора М. Б. Басовскаго..

что авторъ готовъ былъ и самъ натолкнуть на догадки этого рода.

Въ свою очередь, Тургеневу пришлось фигурировать въ „Дикарѣ“, въ качествѣ Ашметьева, и актеры неуклонно хранятъ обычай гримироваться имъ въ этой роли.

Осуждая никому невѣдомыхъ памфлетистовъ, нельзя не отмѣтить литератора Кармазинова въ „Бѣсахъ“. Ни для кого не тайна, что Достоевскій дѣлалъ здѣсь намекъ на Тургенева. Карикатура вышла слишкомъ злою. Тургеневъ изображенъ узко-эгоистическимъ и вѣчно-манерничающимъ существомъ...

Ссылкой на Достоевскаго можно было-бы закончить нашъ обзоръ. Никто не упрекнетъ этого писателя въ недостаткѣ фантазіи, — слѣдовательно портретность далеко не всегда свѣдѣтельствуеетъ объ убожествѣ творческихъ силъ.

Хотѣлось-бы въ заключеніе еще разсказать о расправѣ путемъ сценическаго пасквиля, которую учинилъ водевилистъ Каратыгинъ надъ рецензентомъ Яковлевымъ. Но разсказъ объ этомъ самого автора такъ краснорѣчивъ, что я позволю себѣ взять изъ него нѣсколько цитатъ: „Дюръ мастерски загримировался и отлично поддѣлался подъ лицо, фигуру и ухватки Яковлева: свекло-красное лицо, золотые очки, прическа, синяя венгерка.. все было схвачено до малѣйшей подробности.“

Появленіе двойника на сценѣ произвело всеобщій хохотъ. Всѣ обернулись къ Яковлеву: изъ ложъ усталились на него трубки и лорнеты, хохотъ усилился...

Мой противникъ мужественно выдержалъ первый залпъ. Но, когда эта шутка начала принимать нешуточную физиономію, онъ видимо огорчился и у него опустились руки; лицо вытянулось, поблѣднѣло, и отираясь бѣлымъ платкомъ, мой зонтъ корчился и ежился, какъ ракъ въ кипяткѣ! Разбитый и осмѣянный нашъ критикъ не могъ досидѣть до конца пьесы

„салонных“ пьесъ. Удивительное, право, тяготѣніе къ этому жанру, явно неподходящему къ средствамъ даннаго театра.

Хорошіе манеры и туалеты, шикъ, умѣніе легко и изящно вести діалогъ—эти свойства присущи очень немногимъ изъ труппы г. Кручинина, а вотъ подите-жъ, хлѣбомъ ихъ не корми, а дай поиграть герцоговъ, маркизовъ и графовъ. „Ю—Ю“ была поставлена въ бенефисъ г-жи Астровой (первый бенефисъ въ театрѣ г. Кручинина). Бенефициантка исполнила роль Марты Бурдые живо, остроумно, весело. Съ большимъ изяществомъ и вкусомъ играли въ описываемомъ спектаклѣ г-жа Инсарова (Тереза Марни). Не только бѣдной Ю—Ю, еще такъ недавно работавшей въ модной мастерской, но и многимъ прирожденнымъ аристократамъ (Кручининскаго театра) не мѣшало бы поучиться манерамъ и позанять изящества у этой Терезы.

Послѣдней новинкой театра г. Кручинина явилась „Звѣзда нравственности“ г. Протопопова, Секретъ пьесъ г. Протопопова давно извѣстенъ.

Послѣдняя его пьеса сдѣлана по обычному рецепту, и результатъ тотъ-же: большіе сборы и хорошій приемъ.

Въ театрѣ „Соловцовъ“ самымъ интереснымъ явленіемъ за этотъ періодъ времени явилась постановка „Анфисы“, встрѣтившей—на мой взглядъ—чрезмѣрно суровый приемъ. Какъ ни незакончена, иногда фальшива, мѣстами просто груба эта пьеса,—она все-же талантлива, все-же производитъ впечатлѣніе.

По поводу „Анфисы“ чуть ли не всѣ повторяютъ „слово“ Л. Толстого о Л. Андреевѣ: „онъ пугаетъ, а мнѣ не страшно“. Признаюсь,—мнѣ страшно. Не ужасы, нагроможденные въ пьесахъ Андреева, пугаютъ меня, а страхъ, который онъ самъ, я чувствую, испытываетъ; тоска его мятущейся души; муки его пока тщетныхъ исканій. Онъ не пугаетъ, онъ самъ боится,—ужасно, смертельно боится. И искренность его ужаса заражаетъ, волнуетъ...

Анфиса очень хорошо поставлена въ театрѣ „Соловцовъ“ г. Савиновымъ и превосходно исполняется. Великолѣпная „бабушка“ г-жа Токарева, она все время приковываетъ къ себѣ вниманіе зрителя. Красиво играетъ Анфису г-жа Пасхалова. Артистка удачно справилась съ колоссально трудной задачей, поставленной ей авторомъ. Своимъ прсдуманнымъ исполненіемъ г-жѣ Пасхаловой удалось сгладить нѣкоторыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ роли Анфисы и мотивировать рѣзкіе переходы въ ея душевныхъ переживаніяхъ. Хорошо, трогательно и выразительно проводитъ роль Александръ г-жа Будкевичъ. Милая, чистая, чуткая Ниночка г-жа Гофманъ.

Г. Павленковъ очень хорошо справляется съ ролью Костомарова, но привлечь къ Костомарову симпатіи зрителя ему не удастся. Точно также не удалось артисту объяснить секретъ обаянія Костомарова, его исключительнаго успѣха у женщинъ.

Вообще въ послѣднее время въ театрѣ „Соловцовъ“ большинство пьесъ разыгрывается стройно и внимательно. Къ сожалѣнію только пьесы, которыми преимущественно пробавляется театр „Соловцовъ“, особыми достоинствами не блещутъ и не привлекаютъ публики.

Прекрасно поставили и сыграли здѣсь „Царя природы“ Чирикова (постановка г. Урванцова; Передрягинъ—г. Павленковъ); живо разыграли „Милыхъ людей“ (выдѣлялись г-жа Токарева, гг. Болховскій и Недѣлинь).

Отчаявшись въ новыхъ пьесахъ, взялись за возобновленія, но при этомъ придерживаются какой-то странной системы: выкопали зачѣмъ-то на свѣтъ Божій „Первую муху“, возобновили „Дѣтей Ванюшина“... Не „Первой мухъ“ удовлетворить несомнѣнно существующую теперь потребность въ смѣхѣ.

Ужъ если рѣшились возобновлять, неужели не нашлось ничего другого?

Взять хоть бы „Сонъ на Волгѣ“. Ужъ если кому ставить эту пьесу, то, конечно, не кручининскому театру, а театру „Соловцовъ“, у котораго и средства для этого есть, и труппа болѣе приспособлена.

Въ театрѣ г. Кручинина въ среднихъ числахъ октября состоялся рядъ гастролей г-жи Коммисаржевской. Кромѣ ролей, извѣстныхъ Киеву, (Безприданница, Нора, Дикарка, Марика), г-жа Коммисаржевская поставила здѣсь „Сестру Беатрисы“, „Юдифь“ и „Трактирщицу“. Беатрису и Юдифь г-жа Коммисаржевская играетъ „по новому“, съ странной, непріятной пѣвучестью, съ мертвыми, неподвижными интонаціями. Красивы движенія и позы артистки. Но вся эта „новая“ манера игры производитъ досадное впечатлѣніе надуманности, ненужности, и такъ радостно, когда порой темпераментъ артистки прорвется сквозь эти сковывающія формы и засверкаетъ всѣми цвѣтами радуги таланта, заблещетъ не старое и не новое, а *отное* искусство.

М. Р.

Хроника — продолженія.

Симфоническіе концерты гр. Шереметова нынѣ вступили въ 13-й годъ своего существованія. Нынѣшній сезонъ открылся двумя (подъ-рядъ) концертами, носившими вполне „официальный“ характеръ. Первый концертъ былъ посвященъ сочиненіямъ г. Направника въ честь 70-лѣтія со дня его рожденія. Но кому неизвѣстно, что маститый „новорожденный“, будучи превосходнымъ дирижеромъ, является въ то же время совершенно несостоятельнымъ въ сферѣ самостоятельнаго творчества?

Слушаемъ ли мы „Донъ-Жуана“ Направника, или отрывки изъ его оп. „Гарольдъ“, его романсы, хоры—ведѣ музыка безхарактерная, безразличная, всегда ловко „сдѣланная“ съ технической точки зрѣнія, но совершенно лишенная индивидуальной физиономіи и полная общихъ и пустыхъ мѣстъ. Сравнительно теплѣе и искреннѣе другихъ вещей „Колыбельная“ изъ „Гарольда“, исполненная г-жей Тобукъ-Черкасѣ (Аванасьева).

Изъ прочихъ исполнителей отмѣтимъ г-жу Каменскую, музыкально передавшую партію Гиты (въ „Гарольдѣ“), г-жу Андрушевскую, г-жу Василенко и гг. Зеленякова, Кустова, Троицкаго, а также хорошо дирижировавшихъ оркестромъ и хоромъ гг. Владимірова и самаго Шереметева.

Второй концертъ состоялся въ честь 50-ти-лѣтія юбилея Имп. Русск. Муз. Общ. и поэтому пуолилъ опять пришлое прослушать цѣлый рядъ произведеній многихъ покойныхъ „директоровъ“ петербургской консерваторіи, какъ-то 4-ую („драматическую“) симфонію А. Рубинштейна, его же „Іоанна Грознаго“ (одну изъ наиболее удачныхъ симфоническихъ вещей незабвеннаго основателя консерваторіи), его же „Русалку“, а также вполне мертворожденныя композиціи Азанчевскаго, Іогансена и т. п. Нѣтъ, какъ хотите, а приходится повторить вслѣдъ за „раешникомъ“ Мусоргскаго: „всѣхъ директоровъ долой“... съ концертныхъ программъ! Только нынѣшній—„директоръ“ А. К. Глазуновъ есть въ то же время настоящій творецъ художникъ. Предшественники же его являлись иногда замѣчательными музыкантами „дѣтелями“ (А. Рубинштейнъ), но въ области личнаго творчества не выходили изъ границъ джунглиной посредственности.—Сolistкой „директорскаго“ концерта была г-жа Эккертъ, корректно сыгравшая концертъ Рубинштейна G-dur. Черноиорскій.

* * *

Исторія съ неудостоенными званія учениками Академіи Анисфельдомъ, Евстафіевымъ и Карпинской вступила въ интересный фазисъ. Профессорами Кардовскимъ, Киселевымъ, Матѣ и Цюнглинскимъ поданъ протестъ, гдѣ сні, называя этихъ учениковъ „талантливыми и умѣлыми художниками“, выясняютъ, что при закрытой баллотировкѣ въ присужденіи званія живописцамъ, численный перевѣсъ всегда на сторонѣ членовъ Академіи—не живописцевъ (чѣмъ и объясняются ошибки и несправедливости) и совершенно основательно просятъ, чтобы предварительное рѣшеніе вопроса принадлежало профессорамъ-живописцамъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе президентомъ Академіи постановлено передать на разсмотрѣніе академическаго собранія не принципиальнаго вопроса, а того, „на сколько гг. Анисфельдъ, Евстафіевъ и г-жа Карпинская заслуживаютъ званія художника“ по сравненію съ нѣкоторыми удостоенными. Но вѣдь это значитъ положить жертвы въ пастъ того-же звѣря, отъ котораго имъ приходится терпѣть, ибо собраніе въ большинствѣ состоитъ изъ тѣхъ-же членовъ не живописцевъ и даже не художниковъ, которые присуждали званія и отъ которыхъ трудно ждать великодушія, близкаго къ сомосѣченію. Впрочемъ, посмотримъ. А. Р—въ.

* * *

Концертъ Губермана. Этотъ скрипачъ завоевалъ горячія симпатіи нашей публики еще тогда, когда онъ явился сюда почти мальчикомъ въ качествѣ вундеркинда. Съ тѣхъ-поръ онъ развился въ крупнаго артиста, пользующагося всемірною славой, и каждый его пріѣздъ составляетъ въ нашей музыкальной жизни художественное событіе, привлекающее массы слушателей. Его техника почти безгранична. Она не знаетъ трудностей. Всѣ техническія ухищренія онъ исполняетъ съ такою легкостью, какъ будто преодоленіе ихъ не составляетъ никакого труда. Но, господствуя надъ своимъ инструментомъ съ безпредѣльною свободою, онъ менѣе всего производитъ впечатлѣніе виртуоза и никогда не бьетъ на внѣшній эффектъ. Его игра, строго обдуманная и отдѣланная до мелочей, является образцомъ классическаго совершенства, по благородству стиля и художественной законченности. Фразировка его полна тонкаго вкуса и изящества. Въ кантленѣ онъ поражаетъ ласкающею пѣвучестью смычка. Къ сожалѣнію, полнотѣ впечатлѣнія вредитъ слабость тона и тусклость темперамента. У артиста не хватаетъ надлежащаго пафоса, чтобы возвыситься до экстаза, захватывающаго слушателя въ мощномъ порывѣ.

Репертуаръ г. Губермана отвѣчаетъ самымъ строгимъ тре-

бованиямъ изысканнаго вкуса и состоитъ исключительно изъ произведеній классической литературы. Этимъ онъ выгодно отличается отъ многихъ другихъ знаменитыхъ скрипачей, — напримеръ отъ Кубелика, у котораго вергуозный элементъ преобладаетъ надъ художественнымъ. Онъ не допускаетъ никакихъ компромиссовъ съ собою, не угодаетъ низменнымъ вкусамъ толпы и не добивается дешевыхъ лавровъ. Какъ истинный художникъ, онъ любитъ искусство ради искусства и выше всего ставитъ строго художественныя цѣли. Въ первомъ концертѣ онъ исполнилъ трудную и весьма ответственную программу: два скрипичныхъ концерта — Бетховена и Мендельсона — и „Меланхолическую Серенату“ Чайковского. Публика, переполнившая залъ Дворянскаго Соборанія, сверху до низу, восторженно принимала аргиста и заставляла его много играть на bis. Слѣдуетъ отмѣтить тонкій и внимательный аккомпаниментъ оркестра гр. Шереметева, подъ искуснымъ управленіемъ его постоянного дирижера г. Владимірова. Съ одинаковымъ блескомъ прошелъ второй концертъ, въ которомъ г. Губерманъ исполнилъ два труднѣйшихъ концерта — Брамса и Сенъ-Санса. Вообще, въ огношеніи скрипачей, намъ повезло въ этомъ сезонѣ. Одновременный наплывъ такихъ первоклассныхъ артистовъ, какъ Марто, Губерманъ и Кубеликъ, представляетъ большой художественный интересъ.

И. Кн—скій.

* * *

10 ноября состоялся первый камерный вечеръ квартета г. Завѣтновскаго. Исполнены геніальный квартетъ F-moll (op. 95) Бетховена, прекрасный фортепьянный квинтетъ (op. 34) Брамса и совсѣмъ слабый по музыкѣ 3-й квартетъ Копылова. Въ музыкѣ этого послѣдняго квартета очень мало столь характерной и даже обязательной для квартетнаго стиля полифоніи, но за то очень много всевозможныхъ „вліяній“. Все время слышится то Чайковский, то Бетховенъ, то Бородинъ. Скерцо сдѣлано подъ Мендельсона.

Квартетисты гг. Завѣтновскій, Гиль, Піорковскій и Бѣкъ хорошо сыграли и исполнили всю программу съ надлежащимъ ансамблемъ. Фортепьянную партію въ квинтетѣ Брамса отлично провела талантливая пианистка г-жа Ф. А. Гольденблюмъ.

* * *

Третій симфоническій концертъ Зилоти открылся жизнерадостной увертюрой Моцарта къ op. „Похищеніе изъ Сераля“. Вслѣдъ за ней мы познакомились съ новой 2-й симфоніей Штейнберга. По сравненію съ 1-й, эта симфонія представляетъ значительный шагъ впередъ. Въ техническомъ отношеніи, она содержитъ въ себѣ много прекраснаго контрапункта, хорошо звучащихъ гармоній, со стороны инструментальной она изысканнѣе предыдущихъ опусовъ, спожнѣе. Форма ея свободнѣе предыдущей: нѣтъ самостоятельнаго and ante, которое вошло второй темой въ финаль. Благодаря этому, избѣгнута излишняя растянутасть и внесена новая живая струйка въ заставшую и сравнительно мало подверженную измѣненіямъ классическую форму симфоніи. Общій характеръ произведенія преимущественно лирической. Лучшая часть въ смыслѣ цѣльности настроенія, финаль. Во 2-й части (скерцо) красиво тріо съ мрачными волями отчаянія въ мѣдныхъ инструментахъ. Симфонія имѣла успѣхъ.

Второе отдѣленіе занялъ второй актъ „Парсифаля“ въ новомъ переводѣ Колемйцева. Интересъ, кромѣ геніальной музыки Вагнера, сосредоточился на дивныхъ исполнителяхъ главныхъ партій: Фелии Литвинъ (Кундри) и Ершовъ (Парсифаль). Трудная партія была ими блестяще спѣта. Отмѣтимъ сильно драматическое исполненіе Ершова. Сочно звучалъ голосъ Касторскаго (Клингзоръ).

Публика тепло принимала всѣхъ исполнителей Парсифаля.

В. С.

* * *

Четвертый общедоступный симфоническій концертъ И. Р. М. Общества подъ управленіемъ Черепнина засвидѣтельствовалъ о постепенномъ улучшающейся сыгранности молодого оркестра. Нелегкая драматическая фантазія Черепнина „Изъ края въ край“ была чисто сыграна и въ хорошихъ темпахъ. Значительную сочность смычка обнаружилъ струнный квинтетъ въ 1-й симфоніи Чайковскаго, главнымъ образомъ въ ея Andante. Виолончелистъ Мальмгренъ сыгралъ теперь рѣдко исполняющуюся фантазію на русскія темы Давыдова. Малая популярность ея зависитъ, какъ отъ большихъ техническихъ трудностей, предъявляемыхъ артисту, такъ и отъ разработки темъ въ quasi русскомъ духѣ. Мальмгрену удалось лучше первая пѣвающая часть ея. Не было недостатка въ бисахъ. Второй солистъ — теноръ Исаченко спѣлъ прочувствованно арію Левко изъ „Майской ночи“ Римскаго-Корсакова и обнаружилъ хороший музыкальный вкусъ въ романсахъ „Пора“ Рахманинова и „Какъ наладили дуракъ“ Чайковскаго. Концертъ закончился увертюрой къ „Мессинской невѣстѣ“ Шумана.

В. С.

* * *

3-е симфоническое собраніе прошло подъ управленіемъ О. Фрида. Этотъ дирижеръ уже нѣсколько лѣтъ неизмѣнно приглашается въ концерты Русскаго Музыкальнаго Общества — и по праву. Несмотря на свою молодость, онъ уже занялъ видное мѣсто среди „славной стаи“ нѣмецкихъ капельмейстеровъ. Внимательное изученіе партитуръ, умнѣе раскрыть душу произведенія, яркій темпераментъ, иногда бывающій даже черезъ край, и недюжинная дирижерская техника, таковы тѣ качества, которыя выдвинули его въ первый рядъ и упрочили за нимъ симпатіи нашей публики. Эти качества обезпечили ему крупный успѣхъ и въ отчетномъ концертѣ. Программа представляла большой интересъ. Во главѣ ея стояла первая симфонія Брамса. Не смотря на то, что Брамсъ былъ симфонистомъ par excellence, на симфоническое поприще онъ выступилъ очень поздно. Первая его симфонія появилась только въ 1876 г. Видно, композиторъ долго и сосредоточенно готовился къ тому, что составляло его естественное призваніе. Но за то, разъ выступивши, онъ явился во всеоружіи зрѣлаго таланта и поразительнаго мастерства. Уже первый его опытъ оказался произведеніемъ, примыкающимъ къ величайшимъ твореніямъ симфонической литературы. Въ немъ Брамсъ является ближайшимъ преемникомъ и продолжателемъ Бетховена послѣдняго періода. Сохраняя гармоничность и пластичность классическихъ авторовъ, Брамсъ углубляетъ ихъ духъ, насыщаетъ ихъ настроенія болѣе яркими переживаниями и, оставаясь при томъ же арсеналѣ музыкальных средствъ, обогащаетъ языкъ искусства новыми неизвѣданными дотошъ оборотами, приемами и образами. Романтизмъ, съ его интенсивности психической жизни, заставляетъ композитора искать болѣе яркихъ красокъ, болѣе глубокихъ символовъ, болѣе гибкихъ и сложныхъ замысловъ. И Брамсъ, болѣе, чѣмъ кто-либо изъ романтиковъ, болѣе даже, чѣмъ самъ Шуманъ, все это находитъ. Въ этомъ смыслѣ, его первая симфонія — самое совершенное и характерное воплощеніе романтизма. Она вся проникнута трепетными волненіями великаго духа, въ борьбѣ обрѣтающаго силу. Въ ней кипитъ и клокочетъ бурный водоворотъ демоническихъ силъ. Гордая самоуверенность смѣняется взрывами отчаянія. Дерзкій вызовъ чередуется съ глухими стонами скорби и сомнѣній. За могучимъ подъемомъ пылкой восторженности слѣдуетъ горькое разочарованіе разбитыхъ надеждъ и все завершается неукротимую мощью побѣднаго торжества. Грандиозность размаха захватываетъ слушателя съ порабащающею силою. И этого композитора у насъ до недавняго времени считали образцомъ сухости, деревянности и душевнаго безразличія — считала не только публика, но и критика! Какъ это могло случиться? Да очень просто. Брамса у насъ знали только по „Венгерскимъ танцамъ“. Мало ли у насъ еще другихъ бессмысленныхъ предразсудковъ и глупыхъ сужденій, основанныхъ единственно на невѣжествѣ! Но часъ торжества Брамса близится. Его начинаютъ все болѣе цѣнить и когда полузанная уступитъ мѣсто дѣйствительно серьезному изученію, можно быть увѣреннымъ, что и у насъ этотъ замѣчательный художникъ, гармонически слившій воедино величественность классиковъ съ субъективизмомъ романтиковъ, займетъ подобающее ему мѣсто на музыкальномъ Парнасѣ.

Другимъ крупнымъ номеромъ программы былъ извѣстный шедевръ Рихарда Штрауса „Till Eulenspiegel“, знаменующій собою кульминаціонный пунктъ инструментальной музыки. Никогда еще богатство замысла не прибѣгало, для своего выраженія, къ такимъ сложнымъ средствамъ и никогда еще нагроможденность матеріала не сопровождалась такою легкостью, воздушностью и граціею художественной рѣчи. Это — Миланскій соборъ въ музыкѣ. Это — чудо полифоніи и оркестровой техники. Г. Фридъ исполнилъ оба эти произведенія блестяще. Менѣе удалась ему Мендельсоновская „Фингалова пещера“. Исполненію недоставало прозрачности, легкости и поэтичности колорита.

Солистомъ вечера былъ Анри Марто. Это замѣчательный скрипачъ. О его достоинствахъ краснорѣчиво говоритъ самъ по себѣ тотъ фактъ, что на мѣсто Іоахима въ берлинской консерваторіи былъ приглашенъ никто иной, какъ этотъ французскій артистъ. И дѣйствительно, по силѣ тона, свободѣ смычка, совершенству техники, музыкальности фразировки и, вообще, строгой художественности передачи, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Особенно, для классическаго репертуара. Къ сожалѣнію, выборъ исполняемыхъ имъ произведеній вызываетъ недоумѣніе. Зачѣмъ было тревожить прахъ давно истлѣвшаго въ архивной пыли концерта какого-то стариннаго посредственнаго шведскаго композитора никому невѣдомаго Франца Вервальда? Да и фантазія Шумана тоже не принадлежитъ къ счастливымъ произведеніямъ великаго романтика. Скрипачъ, правда, и въ этихъ вещахъ проявилъ свои исключительныя данныя. Но не лучше ли было бы приложить ихъ къ чему-нибудь болѣе стоящему вниманія?

Хотѣлось бы услышать этого артиста въ болѣе подходящей программѣ.

П. Кнорозовскій.

* * *

4-й исторический концертъ, въ большомъ залѣ Консерваторіи, собралъ мало публики. Причины, кажется, лежатъ въ невозможности соединить симфоническій концертъ съ вполне исчерпывающей содержаніемъ лекціей. Симфоническая иллюстрація—не 5-минутный романсъ, она требуетъ минимумъ полчаса. Въ данномъ концертѣ были три иллюстраціи къ симфоніи Моцарта и Бетховена и одна увертюра. Гдѣ же тутъ мѣсто всеобъемлющей лекціи? Лекторъ ограниченъ временемъ и долженъ касаться предмета лишь въ общихъ чертахъ. Симфоническій концертъ также ограниченъ. Дѣло отъ этого мало выигрываетъ. Лучше знакомить публику съ малоизвѣстными вещами классиковъ, чѣмъ переигрывать общеизвѣстный репертуаръ, знакомый Петербургу даже по Павловскимъ концертамъ. Интересъ къ исторіи музыки надо возбудить возрожденіемъ старинной музыки, ренессансомъ того, что въ данный моментъ будетъ подходить къ духу времени. Прекрасный примѣръ, въ этомъ отношеніи, представляетъ парижское „Société des Instruments Anciens“, приковавшее къ себѣ всеобщее вниманіе. Только живое отношеніе къ дѣлу, истинная любовь къ прошлому, создаетъ настоящее музыкальное предпріятіе, преслѣдующее историческія цѣли. Рутинное отношеніе всегда будетъ навѣвать скуку.

Оркестръ И. Р. М. О., на этотъ разъ очень страдалъ отъ неудовлетворительности духовыхъ инструментовъ. Киксовка валторны въ Бетховенской симфоніи прямо непростительна. Дирижеръ Кленовскій, при вѣрныхъ темпахъ, вложилъ мало граціозности и изящества въ Моцартовскія произведенія.

* * *

Заславскій и Фистулары возымѣли „счастливую“ мысль устраивать оперные спектакли для молодыхъ начинающихъ артистовъ. Остается лишь желать, чтобы оправдались надежды оперной молодежи и довѣріе ихъ къ безпристрастію организаторовъ дѣла, тѣмъ болѣе, что въ руководствѣ г. Палечека можно видѣть извѣстную гарантію порядочной постановки спектаклей.

12-го ноября мы слушали третій спектакль, на которомъ и считаемъ нелишнимъ остановиться. Шла опера „Фаустъ“. Изъ исполнителей выдѣлилась г-жа Евдокимова (Маргарита) лирико-драм. сопрано (учен. Ряднова). Голосъ артистки—свѣжъ, гибокъ, очень красиваго тембра, хорошо звучитъ въ верхнемъ и среднемъ регистрахъ и слабѣе въ низахъ. Въ колоратурныхъ мѣстахъ чувствуется связанность но неуверенность, что объясняется ясно выраженнымъ преобладаніемъ лирическаго элемента надъ колоратурой. Пѣвица приходилось мѣстами сдерживать свой голосъ, чтобы не нарушить вокальный типъ партіи. Въ игрѣ г-жи Евдокимовой—есть извѣстная индивидуальность; счастливая вѣнность способствовала впечатлѣнію. Хорошими партнерами г-жи Евдокимовой были г. Милославскій (Фаустъ) и г. Анинь (Мефистофель); мягкій грудной съ большимъ діапазономъ теноръ г. Милославскаго лишенъ однако правильной обработки и поставленъ недостаточно тщательно, рѣло тяжелоугодно, не эластично. Переходъ на полный звукъ отъ mezzo-воce совсѣмъ невыровненъ, а потому не гладокъ и крикливъ. Артистъ—мало сцениченъ, Г. Анинь болѣе опытный пѣвецъ, обладатель красиваго, хотя не сильнаго баса въ верхнемъ регистрѣ съ металлическими красивыми нотами. Голосъ артиста хорошо звучалъ, но въ послѣднихъ актахъ чувствовалась утомленность. Посоветуемъ г. Анину серьезно заняться развитіемъ своихъ голосовыхъ средствъ. Отмѣчаемъ продуманную игру артиста, чудную дешевыхъ эффектовъ. Г. Ширай (Валентинъ) насъ не удовлетворилъ; онъ форсируетъ безъ нужды голосъ. Особенное вниманіе надо обратить на дицію, и не забывать, что излишніе придыханія. Г-жи Красова (Зибель), Любина (Марта) и г. Крючковъ (Валеръ) не дали цѣльнаго впечатлѣнія и о нихъ мы поговоримъ, услышавъ ихъ въ болѣе ответственныхъ роляхъ.

Оркестръ—достаточно полной оркестровки до арфы включительно имѣлъ въ своемъ составѣ небезызвѣстныхъ солистовъ, но къ сожалѣнію видимо срепетованъ наспѣхъ.

В. З-я.

Письма въ редакцію.

М. г. 12-го декабря исполняется пятнадцатилѣтіе антрепренерской и двадцатипятилѣтіе сценической дѣятельности Зинаиды Александровны Малиновской. Коммисія по организациі чествованія юбиляришъ приглашаетъ всѣхъ лицъ, желающихъ присоединиться, направлять всякаго рода привѣтствія по адресу: Владикавказъ, театр—коммисіи. Члены коммисіи: Е. А. Матрозова, К. И. Остроградская, В. Л. Вересановъ, Н. Ф. Никольскій-Федоровъ. Секретарь коммисіи: И. А. Ростовцевъ.

М. г. 26-го ноября 1909 года въ Херсонскомъ городскомъ театрѣ состоится 25-лѣтній юбилей служенія на русской сценѣ сфлора Евгенія Ивановича Герцмана.

Лицъ, желающихъ принять участіе въ чествованіи юбиляра просятъ присылать свои привѣтствія въ г. Херсонъ, Городской театръ на имя Н. Д. Лебедева. Русская драма Н. Д. Лебедева.

М. г. Въ № 45 напечатана корреспонденція изъ Кіева—будто-бы, по газетнымъ свѣдѣніямъ, я среди сезона вышелъ изъ труппы театра „Соловцовъ“.

Въ Кіевѣ такихъ замѣтокъ въ газетахъ не появлялось и изъ труппы театра я не вышелъ и буду служить до конца сезона, какъ обязанъ по контракту.

Примите и пр. актеръ Я. Орловъ-Чужбининъ.

М. г. Не откажите помѣстить въ „Театръ и Искусствъ“ мое сообщеніе о поступкѣ артистовъ І. П. Осипова, Ф. И. Никольскаго, Н. К. Яковлева и артистки Л. Н. Чужой-Лемаревой. Покончивъ ко мнѣ въ товарищество, въ гор. Волчанскъ, эти артисты взяли у меня большіе авансы (такихъ не давали, въ это время, и въ антрепризу), забирали еще и еще, въ деньгахъ я не отказывалъ, вычетовъ же не дѣлалъ вслѣдствіе слабыхъ дѣлъ (сезонъ началъ съ 1 октября). И вотъ они, не желая мнѣ выплатить долга, бросаютъ мое дѣло (устроясь въ другое и взявъ тамъ тоже авансы) и тайкомъ бѣгутъ изъ города, оставивъ даже паспортъ у исправника, наказавъ меня на изрядную сумму. Наказали они не только меня, но и заставляютъ голодать еще нѣсколькихъ членовъ труппы, которые остались.

Представитель товарищества Константинъ Мих. Казанскій. Глубоко возмущенные этимъ поступкомъ, артисты товарищества: С. Б. Крамской, Арматовъ, Арди, Фроловъ, Чугринова, Векманъ, Дубровская.

М. г. Въ № 45 вашего уважаемаго журнала, въ рубрику „Хроника“, между прочимъ, напечатано, что по полученнымъ въ Бюро Т. О. изъ провинціальныхъ городовъ свѣдѣніямъ о театральнхъ дѣлахъ, таковыя очень плохи въ Курскѣ.

Состоя уполномоченнымъ г-жи Малиновской и завѣдывающимъ хозяйственной частью я антрепризы въ Курскѣ, покорнѣйше прошу васъ не отказать помѣстить въ ближайшемъ № „Театра и Искусства“, что полученныя въ Бюро Т. О. свѣдѣнія о дѣлахъ въ Курскѣ не соответствуютъ истинѣ, что, напротивъ, текущій сезонъ, по сравненію съ предшествовавшими, даетъ право надѣяться на полный матеріальный успѣхъ: такъ, за октябрь мѣсяцъ (21 спектакль) сдѣлано около 6,000 руб. валового сбора; въ прошлые же года за тотъ-же періодъ времени при большемъ числѣ спектаклей общая сумма сбора колебалась обыкновенно между 4,500—5000 руб.

Въ ноябрѣ (по 15-ое) сборы не клонятся пока къ паденію, несмотря на то, что это время вплоть до праздниковъ Р. Х. считается здѣсь глухимъ въ смыслѣ посѣщаемости театра.

Въ заключеніе остается пожалѣть, что Бюро Т. О., очевидно, не проверяетъ получаемыя имъ свѣдѣнія, между тѣмъ, какъ большая освѣдомленность о дѣлахъ въ провинціи составляетъ для него едва-ли не главную задачу.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи къ вамъ артистъ московскихъ Императ. театровъ Ф. Вронченко-Левинскій.

М. г. Снявъ на текущій зимній сезонъ въ посадь Мелекесѣ, Самарской губ. Народный домъ подъ спектакли моей русской и малорусской труппы—я въ виду паденія сборовъ обратился къ мѣстному уѣздному исправнику съ просьбой разрѣшить мнѣ три спектакля съ раздачею подарковъ, дабы имѣть возможность выхъ изъ этой мелочей ямы. Г. исправникъ съ соизволенія г. городского головы, какъ завѣдующаго и председателя комитета попечительства о народной трезвости—разрѣшилъ мнѣ эти спектакли, подписавъ афишу. Въ силу этого я выпустилъ афишу за три дня, вывѣсилъ такую въ помѣщеніи народнаго дома во время сеанса синематографа, такъ что объ этомъ всѣмъ и вся извѣстно администраціи управы и народнаго дома было извѣстно. Каково-же было мое удивленіе, когда послѣ репетиціи 29-го октября, т. е. въ четвергъ, сторожъ народнаго дома (тоже частица администраціи) объявилъ мнѣ, что на спектакль народный домъ намъ не дадутъ. Спектакль не состоялся и я потерялъ почти полный, а можетъ быть и полный (450 р.) сборъ, въ виду громаднаго наплыва публики.

Труппа осталась безъ средствъ, выхъ не на что, жить нечѣмъ. Неужели актеры беззащитны? Вѣдь брали 30% съ валового сбора и еще 3 р. Если судебнымъ порядкомъ мнѣ не удастся взыскать съ гор. головы, какъ председателя, то куда кинуться, къ кому обратиться? Научите, напишите, напечатаете, а то вѣдь 14 человекъ голодаютъ изъ-за прихоти, каприза.

Иванъ Квитко.

Прошу не смѣшивать меня съ господиномъ Ивановымъ-Квитко, героемъ Ташкентской эпопеи. Моя фамилія Павловскій-Квитко Иванъ Викторовъ.

неніе этой пьесы требует абсолютной тишины. Наконец, додумались до... „Кривого Зеркала“.

Конечно, это было не „Кривое Зеркало“, и даже совсѣм не то, а просто дивертисментъ изъ „Обозрѣнія“ съ комической окраской: часть труппы (съ неизмѣннымъ евреемъ, прошедшимъ по контромаркѣ) размѣстилась въ зрительномъ залѣ и вела бѣсѣду съ исполнителями, пародируя Шаляпина, Дунканъ и т. д. Это была простая спекуляція на модный теперь театр въ Петербургѣ — „Кривое Зеркало“, спекуляція, давшая сборъ. Измѣнится-ли отношеніе публики къ театру, покажетъ будущее; но мѣстный поэтъ-юмористъ въ газетѣ „Наша Пенза“ даетъ такое мрачное предсказаніе:

„Изъ Пензы нашей Ризъ,
„Сезона кончивъ срокъ,
„Не только что безъ ризъ,
„Убѣдетъ безъ чулокъ.“

Составъ труппы не блещетъ именами, добросовѣстно относится къ дѣлу и даетъ странный ансамбль тамъ, гдѣ чутье режиссера (г. Браиловскій) правильно распредѣляетъ роли (напр. „Звѣзда нравственности“).

Классическому репертуару пока нельзя приписать художественнаго успѣха: исполненіе гладкое, но не захватываетъ. Герой г. Горбачевскій много выпуклѣе въ современныхъ пьесахъ, чѣмъ въ трагедіи; тоже и героиня, г-жа Троицкая.

На роляхъ драматической индѣеи какъ-то попеременно появляются то г-жа Кирсанова, то г-жа Браиловская-Жданова.

Первая — артистка съ настроеніемъ, и въ зависимости отъ него въ нѣкоторыхъ роляхъ рельефа (Оль-Оль), въ другихъ безцвѣтна (Леонора въ „Загов. Фіеско“, Зинаида Иванова въ „Звѣздѣ нравственности“). Второй лучше удаются роли соquettes. Хорошая grande dame г-жа Тольская.

Г. Браиловскій довольно ярко ведетъ характерныя роли. Изъ мужского персонала кромѣ перечисленныхъ выцѣлились г. Муравлевъ, Муромскій, изъ женскаго г-жа Косцинская, артистка съ темпераментомъ и чутьемъ. Въ общемъ, мнѣніе публики склоняется пока къ тому, что настоящая труппа не можетъ идти въ сравненіе съ прошлогодней. Постановка пьесъ и декоративная часть — обычная для провинціальныхъ театровъ средней руки.

И. Ф.

ТАШКЕНТЪ. 2-го ноября закончились спектакли опереточной труппы подъ дирекціей Ф. В. Валентетти.

Дирекція рѣшила уѣхать ранѣе, въ виду плохихъ сборовъ, которые, по словамъ ея, не покрывали расходовъ, и теперь двинулась въ другіе города Средней Азии — Кокандъ, Самаркандъ и Асхабадъ, рассчитывая также дать нѣсколько спектаклей въ Баку.

Всего было сыграно 34 спектакля, и было выручено около 12000 рублей валового сбора, что составитъ въ среднемъ 350 рублей. Я полагаю, что для такого глухого періода, какъ сентябрь, октябрь, это не совсѣмъ уже плохо. Конечно, былъ расчетъ, что юбилейная выставка привлечетъ массу пріѣзжихъ, но это не оправдалось, и вотъ теперь мы опять безъ развлеченій.

Плохимъ сборамъ много, конечно, содѣйствовалъ очень скорый выходъ изъ труппы каскадной артистки г-жи Жулинской, очень понравившейся публикѣ, а другой премьершѣ г-жѣ Алези-Вольской приходилось выступать ежедневно, что несомнѣнно отражалось на ея голосовыхъ средствахъ.

Изъ другихъ артистокъ пользовались успѣхомъ г-жа Капмыкова — комическая старуха и г-жа Мышецкая съ ея небольшимъ, но очень пріятнымъ голосомъ.

Мужчины были очень недурны, какъ-то: теноръ г. Ксендзовскій, баритонъ г. Чугаевъ, протакъ г. Баратовъ и комикъ г. Гриховъ. Къ сожалѣнію г. Баратовъ часто брался не за свои роли, а г. Гриховъ все время болѣлъ и сплошь да рядомъ такъ хрипѣлъ, что трудно было разобрать его реплики.

Въ заключеніе долженъ отмѣтить, что на нашей юбилейной выставкѣ награжденъ малой серебряной медалью за выставленные декорации декораторъ М. М. Кальмансонъ.

ОРЕНБУРГЪ. Сезонъ въ Городск. театрѣ (Антреприза Г. Ф. Эстеррейхъ), открыли 29 сентября „Джентльменомъ“ при полномъ сборѣ. Вторымъ спектаклемъ — „Карьера Наблюдателя“, затѣмъ „Бѣшенныя деньги“, „Вишневый садъ“ (2 раза) „Хаосъ“, „Овелъ“, „Дни нашей жизни“, „Генеральша Матрена“, „Звѣзда нравственности“ (3 раза), „Новое поколѣніе“ (2 раза), „Анфиса“ (3 раза). По воскресеньямъ лнемъ спектакли-лекціи. Было поставлено: „Горе отъ ума“, „Таланты и поклонники“, „Безъ вины виноваты“, „Коварство и любовь“. Всѣ декорации

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Мыло изъ молока лиліи-конекъ

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ, дѣлаетъ кожу мягкой и бархатной, придаетъ свѣжій и моложавый видъ и пѣкный ослѣпительно-прекрасный цвѣтъ лицу. Цѣна 50 коп. Имѣется въ продажѣ всѣхъ.

Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ, Невскій 28, д. Зингера.

Карандаши для грима

ПУДРА
БѢЛАЯ
РУМЯНА
ГУБНАЯ ПОМАДА

Т-во А. РАЛЛЕ и К^о.

Театръ „НЕВСКІЙ ФАРСЪ“.

Невскій, 56. ☎ Г. Г. ЕЛИСѢЕВА. ☎ Телефонъ 318—27.

Дирекція ВАЛЕНТИНЫ ЛИНЪ.

Въ Понедѣльникъ, 28-го Ноября, **БЕНЕФИСЪ** **Г. А. СМОЛЯКОВА**

два боявыхъ фарса: **1) ЛИХОЙ СЕРДЦЕДѢ. 2) АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ.**

Главные роли въ обоихъ фарсахъ исп. **Г. СМОЛЯКОВЪ.**

Со Вторника 24 Ноября **ЕЖЕ НЕВНО**, два фарса:

1) Новый очень интересный, пикантный фарсъ: ДИТЯ ЗНОЙНОЙ АФРИКИ.

2) Возрастающей устѣхъ! АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ!!!

перев. Л. Л. Пальческаго и И. Г. Старова.

Въ 3-мъ д. трюкъ: **Тайственный замокъ съ превращеніями.**

Постан. **В. Ю. Вадимова.**

Режис. **В. Ю. Вадимовъ** и **Г. А. Смоляковъ.** Администраторъ **Л. А. Леонтьевъ.**

Всѣ новинки „Невскаго Фарса“ можно получить только у **Л. А. Леонтьева, Спб. Невскій Фарсъ.**

МОСКВА

ТЕАТРЪ САБУРОВА.

Репертуаръ съ 23 по 30 нояб.:

„Шальная дѣвчонка“ (Маленькая шоколадница), комедія въ 4 д. Поля Гаво.

„Сынъ моліи“, фарсъ въ 3 д.

„Его грѣшки“, фарсъ въ 3 д.

„Бурдановъ оселъ“, комедія въ 3 д.

„Высокопоставленное лицо“, фарсъ въ 3 д.

„Гоголь въ Москвѣ“, сатира въ 2 картинахъ.

„Любимчикъ дамъ“, фарсъ въ 3 д.

„Кабарѣ у Сабурова“, въ 1 д.

*) Названіе можетъ измѣняться сообразно городу.

* „УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ“

(По Достоевскому). Драма въ 5 д. **П. А. Черна-сова** (м. 5, ж. 5). Разрѣш. безусловно ц. 2 р. Контора журн. „Т. и Искус.“. 6—3

* МОРСКАЯ БОЛѢЗНЬ,

ком. въ 1 д. **Θ. Латернера**, п. 50 к. Книж. отд. конторы „Театръ и Искусство“.

написаны заново, обстановка изъ Москвы, труппа очень нравится, большим успѣхомъ пользуются г-жи Петипа, Маллаксанова, Горская и Нинина, гг. Мамонтовъ, Невфринъ, Лидинъ и Аяровъ. Сборы хорошіе, утренники битковые.

КУРСКЪ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ открылся въ городскомъ театрѣ зимній сезонъ (29 сентября).

За это время труппою З. А. Малиновской подъ управленіемъ и главнымъ режиссерствомъ Ф. Ф. Вронченко-Левицкаго было дано 22 спектакля (считая въ томъ числѣ два утренника).

Валовой сборъ выразился въ суммѣ около 6000 руб. или въ среднемъ по 270 руб. со спектакля.

Сравнивая настоящій сезонъ съ прошлыми, должно признать, что такой матеріальный успѣхъ въ началѣ сезона является очень благоприятнымъ и служитъ лучшимъ показателемъ того, что новая труппа, самая постановка дѣла нравятся нашей публикѣ.

Репертуаръ истекшаго мѣсяца не отличался новизною: ставились достаточно заигранныя здѣсь пьесы, какъ-то: „Джентльмэнъ“, „Воевода“ (2 раза), „Борцы“, „Свадьба Кречинскаго“, „Мѣщане“, „Василиса Мелентьева“, „Большой человѣкъ“, „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „Докторъ Штокманъ“, „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“ и др. Характерное явленіе: „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“ прошли при переполненныхъ сборахъ, послѣдній даже—съ аншлагомъ. Изъ не шедшихъ ранѣе на нашей сценѣ и новыхъ пьесъ были поставлены: „Орель“, „Освобожденные рабы“, „Гонимые“, „Холопы“, „Нечистая сила“ и „Анатэма“.

„Анатэма“, поставленный г. Вронченко-Левицкимъ въ точ-

ной копіи московскаго Художественнаго театра, далъ за два спектакля (23 и 24 сентября) болѣе 1200 руб. сбора.

Составъ труппы З. А. Малиновской, если не считать гг. Вронченко-Левицкаго, Тройницкаго и г-жу Прокофьеву (старуха), не блещетъ силами, но подъ умѣлымъ режиссерствомъ г. Вронченко-Левицкаго спектакли проходятъ съ хорошимъ ансамблемъ.

Постановка спектаклей съ внѣшней стороны не оставляетъ желать большаго: декорации, мебель, костюмы—все ново, свѣжо; сцена, благодаря затраченной гг. Вронченко и декораторомъ-машинистомъ Гартье энергіи, прекрасно оборудованная, выглядитъ богато, не по провинціальному.

Въ дѣлѣ чувствуется интеллигентность, умѣнье и тщательность.

Нельзя не сказать при этомъ, что на помощь новой антрепризѣ пришла наша городская управа въ лицѣ ея члена г. Короткова, произведшая капитальный ремонтъ всего театра.

Изъ отдѣльныхъ персонажей труппы обращаютъ на себя вниманіе: г. Мюдушевскій (бытовой резонеръ)—актеръ не яркій, но очень полезный, работающій, умный, г. Ахматовъ (ученикъ покойнаго Ленскаго), заявившій себя, между прочимъ, хорошимъ, обладающимъ вкусомъ, режиссеромъ, г. Незнамовъ и изъ молодыхъ: гг. Субботинъ (лирический любовникъ) и Глубоковскій.

Женскій персоналъ труппы значительно слабѣе качественно мужского: отсутствуютъ грандъ-дамъ, нѣтъ кокетъ. Приглашенная на послѣднее амплуа г-жа Кодионецъ-Пясецкая оказалась весьма посредственной исполнительницей.

GRAND PRIX 1905.

Высшая награда на Международной Гигиенической выставкѣ въ Парижѣ 1905 года.

Пр. Кинунена ЭЛЕОПАТЬ.

Наилучшее средство для волосъ въ мірѣ. Въ Россіи въ употребленіи болѣе 30 лѣтъ!!!

Цѣна флакона 1 руб. 50 коп., 2 флакона высылаются по тѣмъ за 4 рубля.

При каждомъ флаконѣ брошюра д-ра медицины Ю. Э. ФРИДЛЕНДЕРА:

„ВОЛОСЫ“,

уходъ за ними, болѣзни ихъ и лѣченіе съ помощью ЭЛЕОПАТА провизора Кинунена.

Брошюра высылается желющимъ БЕЗПЛАТНО изъ главнаго склада ЭЛЕОПАТА провизора КИНУНЕНА: въ С.-Петербургѣ, Разъѣзжая, 13.

МАСТЕРСКАЯ и МАГАЗИНЪ

ИСКУССТВЕННЫХЪ ЛАСТЬЕВЪ, ПЕРЬЕВЪ и ЦВѢТОВЪ,

также приборовъ къ цвѣтамъ.

Принимаю всевозможные заказы—декорации изъ цвѣтовъ, корзинъ театральныя.

Н. ОШМЯНСКІЙ.

СПБ. Екатерин. каналъ, 41, а по Казан. ул., д. 18, кв. 36.

Морская, 27, кв. 11.
(во дворѣ, 2-й этажъ).

SPÉCIALITÉ DE COSTUMES

d'Enfants et Fillettes.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ДАМСКОЕ БѢЛЬЕ, РУЧНАЯ РАБОТА, ДАМСКІЯ БЛУЗЫ

M-me SCHOUCINE,

возвратившись въ Петербургъ, послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ Ниццѣ и Парижѣ, возобновляетъ свои спеціальныя мастерскія дѣтскаго изящнаго платья, а также мастерскія дамскихъ блузъ и самаго изящнаго дамскаго бѣлья

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

ФАБРИКА ПАСТИЖА и

получилъ за выставку въ Парижѣ,
почетный дипломъ и медаль.

ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПАРИКОВЪ.

за выставку въ Ростовѣ на донѣ
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Гримеръ и Театральный Парикмахеръ СПБ. Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

и остальныхъ 6-ти Полочательскихъ театровъ о народной трезвости, а также С.-Петербургскихъ и Московскихъ частныхъ театровъ.
Въ С.-Петербургѣ: Лѣтняго и Зимняго театра Вуффъ, театра Пассажа, театра Фаръ Тумпакова, театра Фаръ Казанскаго, театра Гиньоло, Театральнаго клуба, Новаго Лѣтняго театра, театра Акваріумъ, СПБ. Зоологическаго сада, театра Эденъ, Шато-де-флеръ и проч.
Въ Москвѣ: Лѣтняго и Зимняго театра Эрмитажъ и Дѣтской труппы Частякова.

ГЕННАДІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.

ГЛАВНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ФАБРИКИ, МАСТЕРСКИХЪ, КОНТОРА и МАГАЗИНЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Кронверкскій пр., 61. Телефонъ 85-78.

Разсылаю по провинціи опытныхъ мастеровъ-гримеровъ съ полнымъ комплектомъ париковъ.

ДАМСКІЙ ЗАЛЪ

ПРИЧЕСКА ДАМЪ и ВСЕВОЗМОЖНЫЙ ПАСТИЖЪ
(входъ съ отдѣльнаго подъезда съ Гуляной улицы).

Высылаю въ провинцію налож. платеж. всевозможные парики и бороды всѣхъ вѣковъ и характеровъ.

12 ТЫСЯЧЪ ПАРИКОВЪ.

12 ТЫСЯЧЪ ПАРИКОВЪ.

Сравнительно выдѣлились и пользуются успѣхомъ актрисы: г-жи Дукшинская, Каренина и Гнѣздилова (ingénue).

Первая изъ нихъ опытная, вдумчивая исполнительница, вторая обладаетъ сильнымъ драматическимъ темпераментомъ и въ бытовыхъ роляхъ (героинь) играетъ ярко.

Въ ноябрѣ дирекція театра предполагаетъ пополнить женскій персоналъ труппы одной или двумя новыми актрисами, что очень необходимо, — тѣмъ болѣе, что въ ноябрѣ открывается здѣсь циркъ Злобина, — зрѣлище, всегда конкурирующее въ Курскѣ съ театромъ.

Нельзя умолчать также о процвѣтающей въ трехъ мѣстныхъ клубахъ игры въ лото, отвлекающей публику отъ разумныхъ развлеченій.

На 29 ноября объявленъ концертъ „несравненной“ А. Д. Вальцевой.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. Гор. театр. Антреприза Н. Е. Кожевниковой. Можно подвести итоги перваго мѣсяца: съ 1 окт. по 1 ноября. Сборы средніе. Прошли пьесы: „Василиса Мелентьева“ (2 р.), „Дни нашей жизни“, „Орелъ“, „Обыватели“, „Жена министра“, „Безъ вины виноватые“, „Бѣлая кость“, „Освобожденные рабы“, „Дармоѣдка“ (2 р.), „Звѣзда нрав-

ственности“ (2 р.), „Горькая судьбина“, „Вторая молодость“, „Взрослые“, „Дѣти XX вѣка“, „Лѣсъ“.

П. И. Д.

МИНСКЪ ГУБ. Съ 17 октября по 1 ноября, въ городскомъ театрѣ гастролировала итальянская оперная труппа Родольфо Гонзалеса, въ общемъ сдѣлавшая недурные сборы. Публику привлекалъ г. Бальбони (теноръ), пѣвецъ съ прекраснымъ голосомъ и большимъ темпераментомъ.

Изъ мужского персонала отмѣтимъ г. Диджуніо (басъ) и г. Беллони (баритонъ); изъ женскаго г-жу Гольмайръ. Постановка и костюмы были приличны, хорошъ мужской хоръ; женскій слабавать.

Огромный пробѣлъ въ жизни Минска оставило закрытіе, за недостаткомъ средствъ, Литературно-Артистическаго Общества, выполнявшаго высоко-культурную работу. Въ настоящее время, публика русской драмы не видитъ. Можно поставить въ большую вину минской интеллигенціи, что она не поддержала такое въ высшей степени симпатичное учрежденіе, какъ погибшее Лит.-Арт. Общество.

Т. Б.

Редакторъ О. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

Телеф. № 55-89.

М. СОКОЛОВЪ.

Работавшій много лѣтъ у **Г. МОЗЕРЪ и КО.**

Какъ специалистъ предлагаетъ по фабричнымъ цѣнамъ слѣд. его сорта часовъ, лично имъ точно проверенные съ ручательствомъ на 5 лѣтъ.

Ст. муж. час. отъ 2.50 до 28 р.	Сер. дам. час. отъ 6.75 до 19 р.
Ст. дам. " " 3 " 15 "	Зол. муж. " " 35 " 225 "
Сер. муж. " " 7.50 " 25 "	Зол. дам. " " 18 " 125 "

МАГАЗИНЫ и МАСТЕРСКІЯ ЧАСОВЪ,
ЗОЛОТО, СЕРЕБРО и БРИЛЛАНТЫ.

Невскій, 71, уг. Николаевской ул.
Невскій, 59, д. бывший Г. Блокка.

МИНИМАКСЪ

признать наилучшимъ, благо-
падежнымъ и необходимымъ
ручнымъ огнетушителемъ для
самопомощи при возникновеніи
ПОЖАРОВЪ.

Э. БЕЗЕНБРУХЪ.

С.-Петербургъ, В. О., Воль-
шой пр., № 27.

Москва, Чистые пруды, д.
Кабанова, № 17.

ФАБРИКАНТЫ СПЛОШНО-ГНУТЫХЪ БУКОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

БРАТЯ ТОНЕТЪ изъ ВѢНЫ

ГЛАВНЫЙ ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ для ВСЕЙ
РОССІИ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢНСКАЯ, гнутая-буковая: —

Невскій просп., № 16-7. Телефонъ 12-39.

СТИЛЬНАЯ, художеств. столярная

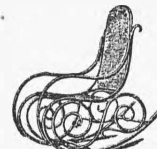
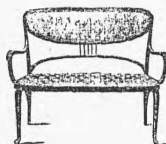
Улица Гоголя, № 9 Телефонъ 49-35.

ПОСТОЯННЫЙ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ОБРАЗЦОВЫХЪ КОМНАТЪ:

будуаровъ, кабинетовъ, гостиныхъ, столовыхъ, спальныхъ, переднихъ, дѣтскихъ и др. комнатъ, а также и отдѣльных предметовъ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОЛНЫЯ УСТРОЙСТВА

квартиръ, клубовъ, офицерскихъ собраний, правленій, присутствій, учебныхъ заведеній и казенныхъ учреждений всѣхъ вѣдомствъ—во всѣхъ стиляхъ и изъ разныхъ деревъ.

Иллюстрированные каталоги, планы и смѣты высылаются бесплатно.

Доминградская Типографія

БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬ А. В. ПУШАЧАРСКОГО

РѢДКО-ВЫГОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ!

Предлагая Вамъ наши граммофоны моделей 1910 года и, назначивъ фабрич. цѣны, т.е. **ОПТОВЫЕ**, мы поставили себѣ задачей расширить кругъ нашей клиентуры. Предоставленіемъ **ОПТОВЫХЪ** цѣнъ для розничныхъ покупателей, мы уже сдѣлали огромный шагъ впередъ!
Но мы рѣшили пойти въ этомъ отношеніи и **ВЪДА ДАЛѢЕ!**

Каждому выписывающему отъ насъ граммофонъ на сумму не дешевле 21 р. 60 к. мы въ теченіе всего 1910 года будемъ СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО

**высылать въ видѣ ПРЕМИИ
ЖУРНАЛЪ или ГАЗЕТУ**

НА ВЫБОРЪ по нижеуказанному списку:

Покупающій отъ насъ граммофонъ отъ 21 р. 50 к. до 40 рублей получить одну изъ слѣдующихъ газетъ или журналовъ на выборъ: „Сельскій Вѣстникъ“, „Новый журналъ для мѣлъ“, „Огонекъ“, „Русское Чтеніе“, „Вѣстникъ Русскаго О-ва Пчеловодства“, „Земледѣлецъ“, „Пчеловодство“, дѣтскіе: „Красныя Зоры“, для семьи: „Журналъ дѣтскихъ платяевъ и бѣлья“, „Женскій Вѣстникъ“, „Союзъ Женщинъ“, „Хуторъ“, „Русскій Пчеловод. Листокъ“.

Покупающій граммофонъ отъ 40 до 60 руб. получить одну изъ слѣдующихъ газетъ или журналовъ на выборъ: „Биржевыя Вѣдомости“ (2-е изд.), „Вокругъ Свѣта“, „Нужды Деревни“, „Россия“ (ежедн.), „Задумчивыя Рѣчи“, „Дружескія Рѣчи“, „Живчина“, „Оттуда“ (спиритич. журн.), „Вѣсти. Модѣ“, „Модн. Курьеръ“, „Русск. Охота“, „Анекдоты всѣхъ временъ“ (ежедн.).

Покупающій граммофонъ отъ 60 до 80 руб. получить одну изъ слѣдующихъ газетъ или журналовъ на выборъ: „Нива“, „Образованіе“, „Природа и Люди“, „Родина“, „Русское Слово“, „Свѣтъ“, „Сатириконъ“, „Артистическій Журналъ“, „Развѣдчикъ“, „Горнозаводскій Листокъ“, „Вѣстникъ Мухомольнаго и Хлѣбнаго дѣла“, „Музыка и Пѣніе“, „Театръ и Искусство“, „Сельскій Хозяинъ“, „Обозрѣнія театровъ“ (ежедн.) или другія на соответств. цѣну.

Покупающій граммофонъ отъ 80 до 200 руб. получить одну изъ слѣдующихъ газетъ или журналовъ на выборъ: „Новое Времѣ“, „Рѣчь“, „Новая Русь“, „Петербургская Газета“, „Петербургскій Листокъ“, „Раннее Утро“, „Современный Міръ“, „Старые годы“, „Золотое Руно“, „Самообразованіе“, „Московский Листокъ“, „Русское Богатство“ или другія на соответств. цѣну.

Нашимъ выгоды, для кажд. интеллигентн. человѣка предложеніемъ, мы вносимъ въ каждую семью большую экономию, мы даемъ **ПРІЯТНОЕ и ПОЛЕЗНОЕ!** Предоставляя въ Ваше пользованіе въ теченіе цѣлаго года **ЖУРНАЛЪ или ГАЗЕТУ**, мы отдаемъ всю нашу прибыль въ той лишь надеждѣ, что Вы и впредѣ будете выписывать отъ насъ необходимые Вамъ пластинки.

Заказы выполняются немедленно наложеннымъ платежомъ по полученіи одной трети суммы заказа въ видѣ задатка. Упаковка и пересылка за счетъ Г.г. Заказчиковъ. Полные списки пластинокъ по первому требованію за 50 коп. почт. марками. При первомъ заказѣ 50 к. отсчитываются. **КАТАЛОГЪ БЕСПЛАТНО.**

ИЗВЛЧЕНІЯ ИЗЪ ПИСЕМЪ НАШИХЪ ПОКУПАТЕЛЕЙ:

Товариществу Фонограмма.

Въ Главн. Складѣ Т-ва Фонограмма.
Какъ истинный любитель и знатокъ музыки, съ удовольствіемъ подтверждаю, что купленный у Васъ Граммофонъ превосходитъ все то, что я слышалъ до сихъ поръ. Это не граммофонъ, а живой человѣкъ.

Юлій фонъ-Мансфельдъ. С.-Петербургъ.

Т-ву Фонограмма.

У многихъ изъ своихъ знакомыхъ я слушалъ Граммофонъ, но меня не тянуло приобрести таковой, такъ какъ звуки его меня раздражали. Но услышавъ Вашъ Граммофонъ у моихъ родственниковъ, я пришелъ отъ такого въ восторгъ, послѣ чего я приобрѣлъ у Васъ Граммофонъ и для себя. Пишу Вамъ подъ впечатлѣніемъ цѣлаго ряда проигранныхъ пѣсней, которыя доставили мнѣ огромное удовольствіе.

Большое Вамъ спасибо!

Баронъ Э. Г. фонъ-Броншъ. С.-Петербургъ.

Въ фабричный Складъ Граммофоновъ Т-ва Фонограмма.

Письмомъ отъ 14 Августа Вы спрашиваете меня довольна ли я купленнымъ у Васъ Граммофономъ? Скажу Вамъ откровенно, что не только довольна, какъ музыкальнымъ инструментомъ, но какъ и лечебнымъ средствомъ. Игра на Граммофонѣ успокаиваетъ мои нервы. Хороша музыка въ безупречной передачѣ на Вашемъ Граммофонѣ обновляетъ весь мой организмъ. Большое Вамъ спасибо!

Стефанія Гонимровская. С.-Петербургъ.

ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ ГРАММОФОНОВЪ и ПЛАСТИНОКЪ

УТВЕРЖДЕННАГО ВЪ РОССИИ „Т-ва ФОНОГРАММА“, С.-Петербургъ, Вознесенскій, 18. М 18-35.

Новинка Императорскаго Мух. Театра:

„РЕВАНШЪ“

З. Л. Николетти; цѣна. русск. анж. 2 р. Вышедшая новинка стоитъ: „Анаема“, опер. 2 д. 4 к. Цѣна 1 р. 75 к. без. Нал. „Театральная новинка“, Сиб. Мѣсячонка наб., 5. Перебита, бешт.

1-я ОП. Музык. Театра. Библиотека

В. К. ТРАВКАТО.

Лавр. пл. 6 (у Консерв.) Тел. 243-01.

ПРОДАЖА И ПРОКАТЪ.

ОПЕРЫ И ОПЕРЕТКИ

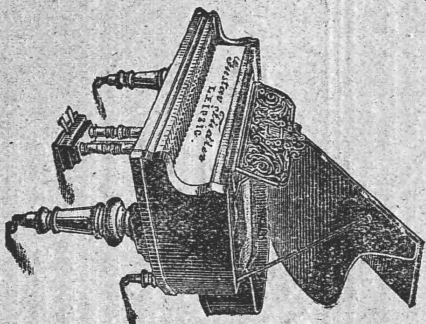
Всѣ старыя и новыя репертуары.

Новая оперетта Вагнера.

„ТАЙНЫ ГАРМА“ (хл., орк., цѣна. пѣсенъ 36 р.).

„Разношерстная сцена“—40 руб. „Альбан. принцъ“, „Пинцесса Долларовъ“, „Король“, „Осенние маневры“ (Тюск. любовь) по 30 р. „Москва ночью“ (названіе города по заказу)—25—30 р. „Ночь любви“—40 р. „Въ волнахъ страсти“—50 р. Хоръ и орк. Лондонъ, 10—15 р.

Ноты высылаются по требованію.

РОЯЛИ И ПІАНИНО

ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ:

Стенвей и С-Вья, Блютгнеръ,

Шидмайеръ (Schidmayer-Pianoforte-Fabrik), Фидлеръ

И ПЕРВОКЛАСНЫХЪ РУССКИХЪ ФАБРИКЪ.

Рояли отъ 600 р., піанино отъ 375 р. Большой выборъ роялей и піанино въ разныхъ стилехъ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

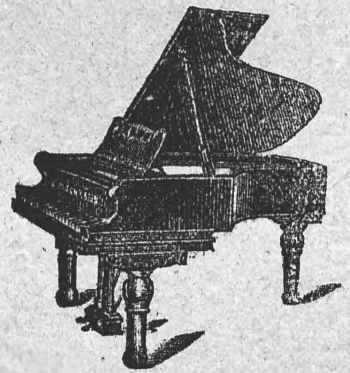
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская ул., № 4. Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина. Рига, Сарайная ул., 15.

РОЯЛИ ПИАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

Гг. Артистовъ и Артистокъ

(предпочитаю начинающихъ)

приглашаю для товарищескаго
предпріятія. Дѣло подъ руковод-
ствомъ извѣстнаго режиссера.
Луганскъ. Екатер. губ. Почтовый
ящикъ № 22.

ЗИМНІЙ ТЕАТРЪ
въ ЯЛТѢ
сдается въ аренду. Объ усло-
віяхъ узнать: здѣсь — театръ
„Пассажъ“ или Ялта театръ.

ЧЕРНИГОВЪ.

Лѣтній 2-хъ-ярусный закрытый театръ
сдается съ 28 Марта по 1-е Ноября 1910 г.,
спектакльно, мѣсячно и на все время.
Электр. освѣщ., мѣщ. по обыкн. 600 р.—
опернымъ 1100 руб. Обращаться: театръ
Вольскому.

КРЕМЕНЧУГЪ

(Полт. губ.).

Отдается въ аренду съ 1 января
1910 года городской садъ съ мураломъ
и другими постройками. Желательна
долгосрочная аренда, при условіи по-
стройки зданія лѣтняго театра. Условія
найма:—Кременчугъ—Городская Управа.

8-2

Спб. Женская Электро-Водо-Грязелечебница.

5-я Рождественская ул., д. № 4. Тел. 73-03.

По назначенію какъ врачей лечеб., такъ и другихъ врачей примѣн. все виды водо-
лечения, электризаціи, токи д'Арсонваля, рентген. лучи, леч. свѣтомъ, тепломъ (па-
ровыя ванны), грязелечение (фанго, лиманная грязь), ручн. и вибрац. массажи, гимна-
стика. Амбулаторное лѣченіе ежед. отъ 11 до 5 ч. дня. Съ 1-го сентября открыто
отдѣленіе постоянныхъ кроватей съ общими и отдѣльными палатами. Для
страдающихъ хроническими (незаразными) заболѣваніями внутреннихъ орга-
новъ болѣзней питанія и нервной системы. Плата отъ 4 руб. въ сутки.

МОГИЛЕВЪ-ГУБЕРНСКІЙ.

Антрепр.: А. Г. Востоковъ и Г. К. Невскій.
СВОБОДЕНЪ

Городской театръ

съ Рождества до В. Поста и сдается съ
декораціями и мебелью для сцены, на са-
мыхъ выгодныхъ условіяхъ. Съ сентября до
Рождества у насъ драма. Объ условіяхъ
узнать у А. Г. Востокова, Могилевъ-губ.
Театръ.

М-ме АЛЕКСАНДРИНЪ

(ШОБЕРЪ).

Баскова ул., 8. Телеф. 51-43.

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФИРМА

ДАМСКИХЪ НАРЯДОВЪ.

Элегантное и скорое исполненіе. Цѣны
умѣренныя.

АРТИСТАМЪ СКИДКА.

Иногор. заказы высылаются наложенн.
платежемъ. 28-4

ЕДИНСТВЕННОЕ ВЪ МІРѢ
НАСТОЯЩЕЕ
ПРОЗРАЧНОЕ
ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
СПБ. ПА. МИЛЛЕРЪ. СПБ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

и ищются въ продажѣ, въ канцеляріи Все-
Россійскаго Союза Сценнческихъ Дѣателей
(Москва, Ковицкій пер., д. Бахрушина, кв.
227), „Труды Перваго Всероссій-
скаго Съѣзда Режиссеровъ
1908 года“. Цѣна 75 коп. для гг. чле-
новъ Союза—50 коп. Высылаются нало-
женнымъ платежемъ.

МАРШРУТЪ.

ПОѢЗДКА БРАТЬЕВЪ

Роберта и Рафаиля

АДЕЛЬГЕЙМЪ

съ собственной труппой.

21, 22, 23 и 24 ОРЕЛЪ.

25 и 26 КУРСКЪ.

Съ 29 по 6 Дек. ХАРЬКОВЪ.

ВНѢ КОНКУРСА!

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКѢ.

Приготовленный въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К. Панченко и А. Н. Энглундъ..

Мыло глицериновое на березовомъ сокѣ, котораго обильная осяжаю-
щая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжную
близну, мягкость и бархатистость.

Цѣна 50 коп. за кусокъ, съ пересылкой 3 куска 2 р.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Эн-
глундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи,
которыя нѣсутся на всѣхъ этикеткахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ,
аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя
агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Эмиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ,
Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—
Л. Мишнеръ. Главныя склады для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Ново-
деревенская набережная 15.